

Духless 21 века. Селфи

Автор:

Сергей Минаев

Духless 21 века. Селфи

Сергей Сергеевич Минаев

Духless #2

В жизни известного писателя и телеведущего Владимира Богданова есть все составляющие успеха: автограф-сессии, презентации, прямой эфир, ночные клубы, поклонницы – и все это его давно не воодушевляет.

Но внезапно ход событий становится подвластным чьей-то злой воле, и герой в одночасье теряет работу, славу, друзей, любимую женщину. Он остается один на один с самим собой – и со своим отражением в глазах других людей.

Чей же образ они запечатлели? Почему он не узнает себя на фото и видео? И как ему вернуть свою жизнь?

Сергей Минаев

Духless 21 века. Селфи

© Минаев С.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

Селфи (англ. selfie) – разновидность автопортрета, заключающаяся в запечатлении себя на фотокамеру. Поскольку чаще всего селфи выполняется с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерный ракурс и композицию – под углом, чуть выше или ниже головы.

В жизни каждого человека бывают минуты, когда для него как будто рушится мир.

Это называется отчаянием.

Душа в этот час полна падающих звезд.

Виктор Гюго. Человек, который смеется

– Что имеете предъявить?

– Крылья.

– Ношенные?

– Конечно.

– Тогда всё в порядке. Проходите.

Ивлин Во. Мерзкая плоть

«Кости»

– Нет-нет-нет. Я туда не пойду. Не хочу. Не могу. Мне неудобно, мне не нравится то, что там происходит. В конце концов, у меня просто больше нет сил...

– Послушайте. Это всего на полчаса. Полчаса – и вы свободны. – Последнюю фразу Жанна говорит по слогам, тоном, которым уговаривают маленьких детей перед кабинетом стоматолога или взрослых детей, перед тем как сдать их на руки наркологу. Кому как больше нравится.

– Ага, полчаса, а потом еще фотосессия с победителями этого, как его... – щелкаю пальцами, – ...идиотского...

– Конкурса! – радостно и несколько истерично подсказывает Жанна.

– Твоя избыточная энергетика меня пугает. Это что-то гормональное? – Тянусь за сигаретами.

– Людмила Алексеевна не курит, – намекает на владелицу кабинета, директора книжного, отделившаяся от стены женщина, похожая на полиэтиленовый пакет для строительного мусора. Что-то бесформенное, бессодержательное и оттого таящее скрытую угрозу.

– Правильно делает, – закуриваю я, – дольше проживет. Наверное...

Краем глаза вижу, как Жанна молитвенно складывает руки на груди и томно смотрит на «полиэтиленовую». Та хмыкает и выходит за дверь.

– Я не могу по сто двадцать восьмому разу отвечать на одни и те же вопросы: «О чем ваша новая книга?» и «Чьи в герое воплотились черты?». Я уж молчу о том, что перед интервью можно было бы и прочесть книгу автора – так хотя бы в гугле порылись, суки! Посмотрели бы, что я отвечал на предыдущих встречах, чтобы идиотами не выглядеть!

– Но вы же понимаете, журналист всегда надеется, что именно ему вы ответите что-то особенное. Что-то такое, из-за чего потом его интервью на цитаты растащат.

– Что например? – Беру со стола список вопросов. – Вот что можно ответить на эту бессмыслицу: «Чем продиктовано наличие монологов такой длины»? И, главное, язык какой конторский, ты посмотри! Такое впечатление, что он не вопросы составляет, а отчет в ментовку!

- Да, согласна, формулировочки еще те!

- И что ему ответить, чтобы, как ты говоришь, на цитаты растаскали? «Пошел ты в жопу, придурок»? Или: «Твоя мать до сих пор жалеет, что встретила твоего отца»? Что я могу сказать о длинных монологах людям, большинство которых даже сто сорок знаков в твиттере считают за «много букв»?

- Я сама им все расскажу. - Жанна ловко сворачивает кулек из листа с вопросами и протягивает мне эту импровизированную пепельницу. - А вы только подпишете книги, и все.

- Сама? - Я заглядываю внутрь кулька и читаю вслух: - «В чем состоит задача вашей новой книги?» Нет, это реально текст из ментовки. И что ты на это сама расскажешь? Что задача каждой моей новой книги - поиздеваться над читателем сильнее, чем в предыдущей? Напомнить ему, что год проходит за годом, а он, читатель, все такое же примитивное говно? Что я - еще большее говно, чем он, и вся разница между нами в том, что я поливаю его помоями бесплатно, а он мне за это платит и по телевизору меня смотрит? Это ты им расскажешь? Ненавижу! Всех ненавижу! - На лбу выступают капли пота. Кажется, сейчас все обернется банальной истерикой.

- Но это же не так. Они вас любят. И вы... их... - Она смотрит на меня своими фарфоровыми немигающими глазами и, кажется, сейчас расплчется. Или убедительно играет в «сейчас расплачусь». Хотя слишком она еще молода для такой убедительности.

- Любят они меня! Фигушки. Меня даже мой кот не любит.

- Мы уже задержались на пятнадцать минут. - В дверь просовывается голова полиэтиленовой. - Там полный зал, все ждут.

- Ладно. - Я тушу сигарету в стакане воды. - За это, Жанна Викторовна, ты избавишь меня от личного интервью с редактором «Новинок рынка». Ты же о нем предательски умолчала?

- Но издательство настаивает на поддержке литературной прессы! Я эту встречу полгода готовила, - откровенно канючит Жанна.

– Какая поддержка?! «Писатель поделился с нами любимыми местами для летнего отдыха» и «писатель рассказал, почему не заводит собаку»? Эти заметки, безусловно, носят литературный характер. Или, ты думаешь, будут другие? Надергай ему цитат из фейсбука, заголовки он сам придумает. Какие – уже было замечено выше, – примирительно улыбаюсь я, подмигиваю и отворачиваюсь к зеркалу.

Через сколько-то там минут я должен начать встречу с прессой, предпоследнюю, в рамках промотура моей новой книги «Кости», или «Touring the Bones», как я ее сам называю во время общения с журналистами. Называю из тщеславия, точнее, из дешевой попытки походить на интернациональную звезду (привет любимым Depeche Mode и Touring the Angels).

Справедливости ради стоит отметить, что промотур в самом деле имеет мелкую претензию на то, чтобы быть «интернациональным». Книгу купили немцы, и все началось в Берлине, с чтений перед аудиторией в сорок человек (тридцать ностальгирующих эмигрантов, три представителя немецкого издателя и семь собственно немецких читателей, помятых интеллектуалов, видимо, до сих пор живущих в парадигме рухнувшей стены и моды на литературу из «советского» блока).

Сегодняшний диалог происходит в гримерке, наскоро сооруженной в кабинете директора книжного магазина. Час назад я прилетел из Питера, где провел последние три дня в надежде отдохнуть, с выключенным телефоном и выключенным сознанием. На мне графитовый костюм, остатки бессонницы, черная футболка с оранжевой надписью «Social Artist» и черные же круги под глазами, которые вот уже пять минут безуспешно пытается замазать несчастная гримерша. Она как синица подныривает мне под руки, стараясь не мешать, пока я курю, пью воду, говорю, параллельно листая ленту новостей в телефоне. В общем, мешаю ей работать.

В общем, я мешаю работать всем, кто меня окружает. Так было в Казани, Ростове, Нижнем Новгороде, Ярославле, Кельне, Берлине, Франкфурте, Лейпциге. (Нет, в Лейпциге не было. Там я просто нажрался, заперся в номере и провалил чтения.)

Больше всех досталось представительнице издательства Жанне. Несмотря на то что мы работаем с ней второй год, это был ее первый читательский тур со мной. Незаметная, типичная офисная мышь, увлеченная только своей работой. Исполнительная до тошноты. Всегда и везде читающая. Книги, рукописи, журнальные статьи. Все, что содержит буквы.

Конечно же, она представляла это себе совсем иначе. Близкое знакомство с автором, его друзьями – людьми из богемной тусовки: журналистами, критиками, дизайнерами, художниками, заграничными писателями. Веселые посиделки, в середине тура – долгие ужины. Разговоры о литературе, смысле жизни, состоянии общества, любви наконец. Возможно, прогулки по ночным немецким городам, в одной из которых он рассказывает тебе о замысле своей новой книги.

В реальности все было несколько иначе. Друзьями писателя, теми самыми «людьми из богемной тусовки», оказались мрази со спитыми лицами, прокуренными пальцами и ничего не выражающими глазами. Почти всегда одинаково выглядящие. Они появлялись в каждом городе, одетые в стертые джинсы и сношенные кеды. В не снимаемых даже ночью солнцезащитных очках или капюшонах черных худи, скрывающих непромытые волосы. Появлялись всегда в одно и то же время – за десять минут до конца автограф-сессий – и сидели в зале, осматриваясь по сторонам, как уголовники. Обычно с собой они приводили девиц, одетых как откровенно дешевые проститутки (а писатель слыл человеком эстетских привычек в одежде, напитках и женщинах). Девицы срывались курить на улицу через пару минут после появления в зале.

Завидев друзей, писатель начинал ерзать на стуле, ускорял речь и раздачу автографов и после окончания мероприятия спешил к ним. Встреча всегда проходила странным образом: без объятий или рукопожатий, свойственных людям, которые друг друга давно не видели, без разговоров или перекуров на улице – они приветствовали друг друга кивком головы и уходили в ночь.

«Веселые посиделки» были всего один раз. Утром, в холле гостиницы, Жанна оказалась в обществе писателя и его друзей за завтраком, в течение которого компанией из пяти человек в темных очках не было сказано ни одного слова, кроме «привет». Эти пятеро литрами пили воду и апельсиновый сок и изредка глупо хихикали, показывая друг другу картинки на экранах айфонов.

В Кельне представитель немецкого издательства заметил Жанне, что у писателя die seltsamen freunde[1 - странные друзья (нем.)], которые выглядят, как drogens?chtige[2 - торчки (нем.)]. Вероятно потому, что они и есть самые что ни на есть конченые drogens?chtige.

Впрочем, это были единственные совместные посиделки. Всю оставшуюся немецкую часть тура писатель в гостиницах не ночевал. Несчастной Жанне приходилось каждое утро часами вызванивать меня, и когда я наконец продираю глаза и бляю в трубку «алё», по неясным ориентирам вычислять мое местоположение.

Как правило, им оказывались сквоты или недостроенные лофты в фабричных районах города, куда вчерашняя студентка отправлялась с костюмом, свежей рубашкой в руках и пачкой Алка-зельцера с витамином С в сумке. Дверь Жанне открывали одинаково выглядевшие девицы, и она блуждала по коридорам и комнатам, брезгливо перешагивая через распростертые на полу тела, перевернутые пепельницы и пустые бутылки, пока не находила меня на полу кухни с косяком в зубах или поглощающим из картонки лапшу быстрого приготовления и хохочущим над немецким телешоу (я по-немецки не говорю).

Под угрозой срыва оказывалось все и всегда. Во Франкфурте я опоздал на утреннюю встречу с прессой на сорок минут, что для Германии является следующим по тяжести преступлением против человечества после убийства. В Берлине, напившись еще за обедом, я, в компании друзей, ввязался в драку и попал в полицию. Драка началась после моих выкрикиваний «шовинистического содержания» в адрес торгующего шавермой турка (по версии полиции). Или в ходе религиозно-цивилизационного диспута (по моей версии). Неловкость улаживалась часа четыре, что позволило мне выспаться перед вечерними чтениями, но и после них я отличился.

Попытавшись склеить на пресс-конференции немецкую журналистку, я вступил в философскую (как мне казалось) дискуссию о нацизме, творчестве Альберта Шпеера и проблемах захлестнувшей Европу иммиграции, был обвинен в национализме и устроил скандал с криками: «Цензура! Цензура! Мы в свободной стране, а вы затыкаете мне рот!»

В Кельне, на встрече с журналистами, я согласился с доводами Жанны и сделал вид, что плохо говорю по-английски, предоставив ей возможность «переводить», тогда как сам молчал не связанную с делом чушь, пока она отвечала на вопросы

текстами из моих предыдущих интервью.

Вечером проходивший в те дни в Кельне литературный фестиваль подарил мне аж двести зрителей, набившихся в старый кинотеатр. Лучи софитов, стоявшие в проходах люди и графин спонсорского виски вкупе с дичайшими отходняками вернули мне ощущение собственной значимости до такой степени, что, отвечая на вопрос о том, каким на самом деле мне видится финал (герой стоит на мосту, оставляя читателю поле для фантазии: бросится он вниз или уйдет обратно, в материальный мир полногрудых женщин и мужчин в возрасте IPO), я выдержал многозначительную паузу, отыскивая в памяти значения образа моста в конфуцианстве, схоластике и буддизме, не нашел ни одного подходящего, окончательно затупил и проямлил: «I gave him a chance...» – что впоследствии было растиражировано немецкой околосредственой прессой как наследие Достоевского, или Набокова, или хрен пойми кого. Вечер закончился в компании привычных *seltsamen freunde* и двух хохлушек-иммигранток, которые (предположительно) украли у меня кошелек и мобильный телефон (в версии друзей кошелек был отдан дилеру, сопровождается цитатой из Гёте, а телефон... скажем, утерян). В общем, все прошло исключительно удачно.

В Лейпциге я дал Жанне честное слово, что не выйду на улицу до мероприятия и не воспользуюсь мини-баром (предварительно опечатан) или рум-сервисом (оповещен) и, надо сказать, сдержал его. Жанна весь день просидела в холле и сопровождала каждого подозрительного гостя до дверей моего номера.

«Польский литературный агент» в безукоризненном костюме и красном галстуке подозрений у Жанны не вызвал, и она милостиво согласилась пообедать с нами на первом этаже отеля. Стоит ли говорить, что чужая наивность и добросердечие – самые легкие для употребления плоды, и когда Жанна отлучилась в туалет, мне были переданы вещества и алкоголь. Чтения в Лейпциге, как сказано выше, не состоялись.

На обратном пути, в поезде «Лейпциг – Берлин», после того как я час сорок вдумчиво протираю клавиши ноутбука салфеткой, Жанна наконец заговорила со мной, заметив, что в таком виде ехать в Россию «просто неприлично» и что стоит задержаться в Берлине на сутки, чтобы провести время в СПА (выводящая токсины маска, хаммам, водные процедуры). «Хотя, конечно, мое дело предложить. Решайте сами».

Слово «неприлично» могло бы стать отличным заголовком к статье об этом читательском туре. Откровенно говоря, я и сам чувствовал себя порядочной свиньей по отношению к Жанне и, чтобы хоть как-то загладить свою вину, решил сделать ей небольшой презент в виде сумки.

Мы приехали в Берлин, когда все магазины уже закрылись, поэтому, побродив по городу, я купил ей цветов и почему-то... сэндвич. Следующим утром ехать за сумкой меня заломало, и я отделался приглашением на ужин, за которым мы мило поболтали, и на лице Жанны читалась радость завтрашнего перелета в Россию, что давало надежду на окончание моих беспробудных гулянок (угроза попасть в желтую прессу, отсутствие либерализации марихуаны).

Надежды умирают так же легко, как и рождаются. Смерть этой была скоропостижной. Можно сказать, ребенок умер при родах. В России все оказалось гораздо хуже, как в песне «мой сосед не пьет и не курит, лучше бы пил и курил». Мое немецкое разухабистое веселье и глуповатая, но добродушная рассеянность исчезли.

Первой женщиной, которую я встретил в московском аэропорту, была депрессия.

Я превратился в мерзкого, раздражающегося по каждому незначительному поводу типа. Мне до смерти надоели интервью, пресс-обеда, студии региональных кабельных каналов, однообразные вопросы читателей, бессмысленные журналисты, поезда, самолеты, местные достопримечательности. Я сам себе смертельно надоел. Чаще всего от меня можно было услышать фразы вроде «я устал», «мне все равно», «у меня нет сил» и «скажи им что-нибудь сама».

Тур любви (в российской его части в самом деле были какие-то невероятные аншлаги) плавно превратился в тур ненависти, тур усталости, тур бесконечных, бессодержательных самоповторов. И аналогия с котом казалась теперь весьма удачной. Если он урчит и делает вид, что любит меня за то, что я кормлю его «Вискасом», то все окружающие в этом турне делали вид, что любят меня за то, что я кормлю их байками.

Вскоре я ощутил полную опустошенность. Я развлекаю их, я скрашиваю час их жизни. Многие приходят просто поглазеть, с пивом, чипсами и телками. Они

жрут меня. Как в кино, только бесплатно. Я даже не знаю, с какой целью они берут автографы. Возможно, и скорее всего, у таких людей есть полка с подписанными книгами актеров, певцов, телеведущих, музыкантов. И моя встанет на нее просто потому, что прикольно иметь полку книг с автографами «известных, типа, чуваков». Чтобы книги стояли и чтобы... что?

- Что вы сейчас чувствуете? - задает вопрос девушка в левом ряду справа.

- Спать хочу, - отвечаю.

- Нет, я в другом смысле. - Полный зал журналистов, все в восторженном ожидании. - Это слава? - Видимо, ей очень хочется мне понравиться перед тем как задать «неудобный» вопрос.

- Давайте назовем это так, если вы хотите.

- Герои ваши - поголовно подонки, с той лишь разницей, что некоторые из них жалкие, а некоторые гнусные. Почему?

- Это делается в расчете угодить обеим читательским аудиториям: и гнусной, и жалкой. Для хороших людей и для девушек я пишу под псевдонимом.

- Ваши романы сплошь автобиографичны. Вам нормальные люди в жизни вообще встречались?

- До вашего появления нет. Вам, кстати, какие подонки больше нравятся?

- Мне вообще подонки не нравятся, - вспыхивает она и садится на свое место.

- Жаль. - Тянусь за стаканом, делаю глоток воды.

- Не устали от тура? - Юноша в первом ряду.

- Что вы! - Чуть не захлебываюсь водой. - Каждый новый город - это новая встреча с читателями, новая энергетика. Она питает меня.

– Вы любите своего читателя?

– Конечно. Иначе зачем писать? Любовь созидательна, тогда как ненависть непродуктивна.

– А журналистов? С удовольствием даете интервью?

– Безусловно. Ваши интервью заставляют постоянно держать мозг в тонусе. – Смотрю на Жанну, та сидит довольная, изображает аплодисменты.

– О чем ваша новая книга? – интересуется похожая на библиотекаршу женщина с последнего ряда.

– Наконец-то, – выдыхаю, – а у кого тот же вопрос? Есть ли еще вопросы про мои черты, воплотившиеся в героях, и про творческие планы?

С десяток человек поднимают руки, вызывая зубовой скрежет. Встреча медленно, но верно переваливает экватор моего терпения.

– Спасибо, – говорю, – на эти вопросы я уже отвечал в Казани, Питере и, по моему, в Ростове. Что-то еще?

– Почему у вас нет собаки? Не хотите какую-нибудь болонку завести? Это сейчас так модно! – Жизнерадостная тетка в берете.

– Мне не везет с суками, – цежу сквозь зубы.

Боковым зрением отмечаю суету в зале. Какой-то журналист опоздал и теперь пытается переместиться с «галерки» в первые ряды. Он, словно краб, бочком-бочком движется между стоящими в проходе людьми, разгребая их угловатыми плавательными движениями клешневидных рук, пару раз вызывает недовольные шиканья, протискивается между сиденьями третьего ряда, потом второго, замирает. Видит лежащую на крайнем стуле первого ряда дамскую сумку, устремляется туда, садится, берет сумку в руки.

Заросший бородой до кончика носа, весь какой-то взъерошенный и абсолютно несуразный с этой дамской сумкой на коленях. Сперва вертит по сторонам

головой, будто в страхе, что кто-нибудь вот-вот прогонит. Потом, видимо успокоившись, утыкается взглядом в меня. Замерев, изучает сквозь очки с невероятно толстыми стеклами, периодически поправляя свободной клешней прическу. Натурально – волосатый краб.

– Для вас человек по сути своей зол или добр? – продолжает «берет».

– Для меня человек по сути своей фальшив. Про него нельзя сказать, зол он или добр. Болонка из вашего предыдущего вопроса хотя бы искренняя.

– А что по поводу критики? Переживаете, читаете рецензии на свои книги? – Известный в узких кругах литературный критик. Писал рецензии, кажется, еще на Шолохова.

– Критики? – Я растерянно оглядываюсь. – Я не перестал ее читать. Видимо, рецензии стали реже выходить. Вы вот давно не радовали. – Посылаю ему улыбку класса «земля-воздух». Цели не поражает, но эффект оглушительный.

– Вам нравится то, чем вы занимаетесь? Нет усталости от повторяющихся тем в передачах? Ощущения, что все уже сказано? – оживает «краб».

– Нет, – вру, – я обожаю свою работу. И, поверьте, есть еще много тем, о которых я хотел бы написать. Главная проблема – нехватка времени.

– А творчество Камю вам нравится?

– Безумно, – опять вру.

– Как вы думаете, зачем вам все это дано?

– Кем дано? Что дано? – Кажется, в нем есть что-то неуловимо знакомое. Голос?

– Умение писать книги, делать телепрограммы, влиять на умы. Дано... Богом... или судьбой. Как вам больше нравится. – «Краб» жестикулирует, помогая себе сформулировать точнее.

– М-м-м... сложно сказать. – Где-то я видел эту постановку руки или эту часть лица, между очками и бородой. Хотя, однажды увидев человека в такой натуральной «балаклаве», я бы точно не забыл.

– А вы попробуйте, – говорит он с легким нажимом.

– Возможно, где-то находилось несколько гектаров больного леса, который человеку нужно было переработать в бумагу. Может быть, в этом и был замысел судьбы? А что касается телепрограмм, это скорее вопросы не к судьбе, а к продюсерам. Спасибо. – Зал разражается дружным хохотом.

– Хорошая шутка, – крикает он. – А если серьезно ответить?

– Я вполне серьезен. – «Краб» начинает раздражать. – Вы какого ответа ждете? Про место писателя в истории, про разговор с поколением? Извините, я пока еще вполне здоров психически, чтобы рассуждать такими категориями.

– Есть ли у вас ощущение ответственности за те идеи, которые вы транслируете своей аудитории? – «Краб» снимает очки, и я успеваю разглядеть его глаза. Маленькие немигающие глаза хищной рыбы.

– Есть конечно. Задача каждой новой книги – показать читателю, каким дерьмом он может стать, если пойдет по пути моих героев.

– Я не про книги, а про вас. Про идеи, которые вы транслируете самим фактом вашего существования. Ради чего все это? – «Краб» морщится, будто лимон сожрал.

– Вы не сектант случайно? – наигранно улыбаюсь я, а самому настолько неудобно, что приходится глазами искать помощи у Жанны. Зал, до того момента смеявшийся, затихает. – Может, лучше перейдем обратно в категорию вопросов про кошечек и собак, а то аудитория заснет.

– Представьте, что завтра вы больше не писатель и не телеведущий. Смогли бы вы снова жить жизнью простого человека?

– В общем, я ею и живу, – мямлю в ответ.

Атмосфера вокруг наливается тяжестью. Наверное, так себя чувствуют актеры юмористического жанра, когда после пары-тройки удачных шуток произносят абсолютно пустую репризу, и вот уже доселе рукоплескавший зал готов их освистать и закидать гнилыми овощами.

– Последний вопрос, – не унимается «краб», но вовремя на помощь приходит Жанна, громко командующая:

– Мужчина в третьем ряду, ваш вопрос, пожалуйста!

– Я? – Человек будто вырывается из сна. – Скажите, Владимир, какие ваши творческие планы?

Зал снова смеется. Как будто становится легче дышать. Отвечаю даже на самые глупые вопросы вроде того, кем хотел стать в детстве, какие книги советую прочесть, за какую команду болею и прочую штампованную чушь. Все это время борюсь с желанием посмотреть на «краба», а сдавшись, обнаруживаю его стул пустым. Нет его и среди журналистов, подошедших подписать книгу. «Краб» исчез, будто и не было.

– Уф! – Откидываюсь на спинку кресла, закуриваю. – С ума можно сойти. Откуда-то возьмется один такой мудака, и настроение на весь день испорчено.

– Да уж, – соглашается Жанна.

– Не вполне здоровый чувак, ты не находишь? Я думаю, так маньяки выглядят. Может, охрану завести? А что! Стоит небось сейчас у выхода и ждет, с ножом или бритвой.

– Хотите, я попрошу охрану проводить вас до машины? – Жанна очень комично пьет кофе: маленькими глотками, как кошка из японского мультфильма.

– Брось ты! – отмахиваюсь. – Отобьюсь как-нибудь. У нас когда следующие чтения?

– В среду. И еще пресс-конференция в четверг.

- Два дня еще. - Выпускаю дым в потолок. - Это же последняя, да?

- Последняя.

- Слава богу. Ну что? Докуриваю и едем?

- А вы со мной больше ни о чем не хотите поговорить?

- А я о чем-то с тобой должен поговорить? - Настораживаюсь.

- Во-первых, спасибо за цветы. - Она ставит чашку на стол. Ее фарфоровые глаза наливаются голубым.

- Жанна! - Прищуриваюсь. - Ты меня пугаешь.

- Вы стесняетесь этого, что ли? - Она проникновенно смотрит на меня. - Это же так здорово: прислать девушке цветы.

- Чего я стесняюсь-то, Жан? - Миротвориво улыбаюсь. - Ты точно меня с кем-то путаешь. Не хочу тебя расстраивать, но цветы я тебе не присылал.

- В тебе будто два человека живут. Один - романтик, а второй - законченный циник. Впрочем, в обоих есть что-то притягательное. - Она все так же смотрит на меня, задумчиво наматывая прядь волос на указательный палец.

- Ты как-то очень резко сокращаешь дистанцию. Мы давно на «ты»? - Хватаю со стола бутылку воды, делаю судорожный глоток.

- Ночи три уже или четыре, или... - Жанна умолкает. Будто ждет, когда я сделаю какое-то важное признание.

- Что-о-о?! - Я выплевываю остатки воды прямо на нее. - Ночи?! Ты с ума сошла!

- Видимо, это ты с ума сошел. - Жанна краснеет, сжимает ручку кофейной чашки так, что белеют костяшки пальцев. - Зачем ты эти idiotские игры устраиваешь? Ты книгу новую пишешь, и тебе героиня нужна, или ты спиваешься и

скуриваешься такими темпами, что память отшибает?

– Жанна, у тебя все в порядке? – Я начинаю нехило так волноваться.

– Ты сейчас серьезно говоришь или просто прикалываешься? Тебе так легче начать, да? – Жанна вся будто сжимается в комок.

– Может, тебе сейчас выпить воды, успокоиться и рассказать, что случилось?

– А может быть, тебе сейчас докурить и прекратить паясничать? Признаться наконец и начать говорить со мной не как с секретаршей, а... А как ты обычно говоришь? – Она улыбается, но видно, что держится из последних сил.

– Признаться?! В чем, Жанночка? У тебя какая-то проблема? Или просто стресс? – Придвигаю к ней бутылку воды.

– Проблема? У меня? – Она отталкивает бутылку. – Ты звонишь мне по скайпу третью ночь, пьяный вусмерть. Рассказываешь про свои душевные метания, про одиночество. Говоришь, что я единственная, кто тебя понимает. Кто не требует ничего взамен, кто... – Жанна начинает хлюпать носом, отчего тот моментально краснеет, а глаза намокают. – Потом пропадаешь, потом присылаешь цветы. А теперь, оказывается, у меня просто стресс...

– По скайпу?! Звоню?! Тебе?! – Она либо не в себе, либо разводит меня. Понять бы, с какой целью.

– По скайпу, Володя. Третью ночь, ровно в два часа, как будильник. – Она выкидывает вперед средний и указательный пальцы, обозначая время звонка. – Я б тебе хистори показала, жаль, компьютер не взяла. Не готова была к такому спектаклю.

– Жанна, я тебе не звонил! Я... я даже не знаю номера твоего скайпа. Это какая-то ошибка. – Она точно больна. Я стараюсь говорить как можно более спокойно, ведь любые аргументы в таком состоянии не проходят, «критика отсутствует», как говорят психиатры. Главное – чтобы она в состоянии аффекта не залудила мне в голову чем-нибудь тяжелым.

- Ошибка - это ты. И еще подонок, конечно. Просто дешевая тварь!

Она хватает сумочку и вскакивает из-за стола. Опрокидывает кофейную чашку и бутылку, и я смотрю, как та, словно в замедленной съемке, катится по столу, на секунду задерживается у края, потом срывается вниз и разлетается вдребезги.

Жанна выбегает из бара, оставляя меня наедине с услышанным бредом, бутылочными осколками и залитым кофе столом. Из динамиков звучит Эми Уайнхаус:

You say why did you do it with him today?

And sniff me out like I was Tanqueray...

- Что-то еще закажете? - спрашивает материализовавшаяся из пустоты официантка.

- Пожалуй что и нет, - тихо отвечаю я.

Такси-блюз

- «Я уеду жить в Лондон», - напоминает о себе Григорий Лепс в тот момент, когда я плюхаюсь на заднее сиденье такси.

- Музыку оставить? - не оборачиваясь, без особой надежды на положительный ответ интересуется таксист.

- Конечно, - киваю я и закупориваюсь от внешнего мира пуговицами наушников.

Уже довольно давно я перестал просить таксистов переключать их любимое радио «Вальс-Бостон», или «Шансон», или как оно там называется. С избыточно надрывными голосами, горюющими о рано ушедших братанах, с псевдодоверительной хрипотцой шепота, сообщающего, что «все для тебя», или визгливыми пэтэушницами, которые хотят от всей нашей необъятной страны сына и дочку и еще точку.

Во-первых, просьба «че-нить другое поставить» кажется мне еще большим жлобством, чем собственно слушание подобной говно-музыки. А если ты даже в туалет сходить не можешь, пока саундтреком к этому действию не заиграет последний сингл The National, пользуйся собственной машиной или, как я, наушниками.

Во-вторых, песня – в сущности, то небольшое настоящее, что есть у таксиста. Машина в лизинге, квартира съемная, отпуск кредитный. И только песня как бы его собственная. Таксисты в большинстве своем искренне верят в то, что есть настоящие мужики, у которых есть настоящие, пусть и рано ушедшие братаны, и рюмка водки на столе, и нормальные бабы, которые все понимают и которым за это поют «все для тебя». И еще про моря и океаны и даже про топорно рифмующиеся с ними рассветы и туманы.

И глупая пэтэушница именно от таксиста хочет и сына и дочку, потому что он реально нормальный, настоящий мужик. Такой же, как те, что пели перед ней на радиоволне. И все эти неказистые тексты доказывают таксисту, что еще не все окончательно ссучились в нашей стране. А значит, реально еще можно жить.

И это все, что у них осталось. Это и есть та самая национальная идея, которую долгие годы придумывают всякие умники, поминутно сверяясь то с ценами за баррель, то с «балансом негативного и позитивного фона в СМИ», то с метрономом «мастеров культуры». Придумывают, снабжают цветными картинками и яркой оберточной бумагой, а выходит почему-то один и тот же плоский и несмешной анекдот.

«Ты закончил?» – пишет мне Оксана.

«Только что».

«Какие планы?»

«Еду к издателю. Будет длинная встреча».

«Вечером увидимся?» – и куча смайликов. Идиотских, раздражающих, совершенно не к месту.

«Конечно. С издателями закончу и позвоню», – отвечаю и засаживаю в ответ роту скобочек. Одну за другой, так что ноготь на большом пальце белеет.

Поднимаю глаза. Мы увязли в месиве из представительских лимузинов, скутеров и маршрутных такси. Прокручиваю в голове разговор с Жанной, размышляю о том, что надо бы рассказать моим издателям, ведь девушка сошла с ума. Ладно я – многих видел в состоянии измененной психики, – но есть же приличные люди. Серьезные авторы. С кем-нибудь другим такую штуку выкинет – проблем не оберутся.

А может быть, она просто влюбилась и слегка подвинулась психикой на этой почве? И таким неуклюжим образом пыталась объясниться. Придумала этот скайп, надеялась вывести меня на душевный разговор. Может, стоило ее выслушать, подыграть ей, а потом сказать что-то вроде: знаешь, ничего у нас с тобой не получится. Слишком ты хорошая, а я – бла-бла-бла...

С другой стороны, какого черта я должен сглаживать острые углы в отношениях с больными, пусть даже и влюбленными? Странная история, откровенно говоря.

Таксист, судя по двигающимся челюстям, что-то бубнит себе под нос, отчаянно жестикулируя в такт, словно подпевая. Я отворачиваюсь к окну, достаю сигарету, краем глаза отмечаю, что жестикуляция водителя становится более резкой, изредка он вертит головой в мою сторону и бросает взгляд в зеркало заднего вида. Скоро до меня доходит, что все это время он разговаривал со мной...

– ...На нее стакан поставит и смотрит, что будет!

– Куда поставит, – ловлю я конец фразы, вытащив из ушей пуговицы, – простите?

– Я ж говорю! – Таксист наконец оборачивается. – Кадыров так дороги принимает у себя. Ставит стакан с водой на панель и едет. Если вода прольется – строителей под суд. А эти! Все нахер украли, дороги – говно! Им чего, есть дело до моей подвески? Они на государевых тачках да с мигалками! Козлы!

– Согласен. – Я прикидываю, в какой момент можно будет снова надеть наушники.

– Может, через Третье кольцо поедем? На Ленинградке сейчас встрянем на час, – предлагает таксист.

– Как скажете. Самая короткая дорога – та, которую знает водитель, – выдавливаю я из себя эту набившую оскомину банальность. Других я не знаю: я редко общаюсь с таксистами.

– Правильно. А то, знаете, некоторые садятся и начинают командовать, как ехать. Учить. А че меня учить-то, епт? Я двадцать пять лет за ней. – Он хлопает обеими ладонями по рулю. – Двадцать пять, епт!

– Каждый должен заниматься своим делом, – борюсь я с зевотой.

– Правильно! – Водитель выдерживает паузу, пристально изучая меня в стекло заднего вида. – А вы случайно не... Вы же на телевидении работаете?

«Черт!» – Машинально тянусь к карману за темными очками, но решение довольно запоздалое.

– Знаете, – начинает он знакомый заход, – я иногда смотрю ваши передачи. Вы там правильные вещи говорите. И вы, и гости ваши. Те, конечно, которые, извините за выражение, не пиздоболы.

«Все они пиздоболы. И я, в общем и целом, тоже».

– Так вот, все правильно, только я после каждой передачи вывод сделать не могу.

– Какой же? – разыгрываю я неподдельный интерес.

– А никакой! Понимаете, у вас же каждый раз все ясно. И что за проблема, и кто виноват, и как надо было по уму и по совести все сделать. Одно непонятно – а че делать-то, епт? И кто отвечать будет? А?

– Я даже не знаю, что вам ответить.

Хотя, конечно же, знаю: я отвечал сто раз, а потом прекратил, чтобы людей не обижать. Потому что как только ты начинаешь говорить правду, устойчивый мир собеседника распадается как карточный домик. Это все равно что бабушке сказать, что ее любимый певец, трижды женатый плейбой – на самом деле махровый гей. Либо не поверит, либо тебя же и возненавидит...

– Взять, к примеру, меня. Женат, двое детей. Работа плохая, денег мало, друзей почти не осталось. Ну, бабы там, иногда. В общем, жить можно. Вы думаете, меня только это волнует? Нет! – Он поднимает вверх указательный палец. – Возвращаясь к вашей передаче... Я себе постоянно эти вопросы задаю. Что с нами дальше будет? Со страной и вообще? Почему все так происходит? Потому что, как поет Стас Михайлов: «Я не верю теперь ни во что, а я верю лишь в Бога». Вы-то себя об этом спрашиваете? И ответы наверняка знаете.

– Послушайте, – закуриваю я, – я только что с самолета. Ночные съемки, почти не спал. Глаза слипаются. Пожалейте меня, пожалуйста. Я не слушаю Стаса Михайлова. Я не знаю, кто виноват и что делать. И думать об этом не хочу. Я хочу быстрее до дома доехать. А еще спать хочу очень.

– Понятно, – раздражается таксист, – извините.

– Спасибо. – Я закуриваю.

Ни черта тебе не понятно. Ведь один из ответов состоит в том, что мир несправедлив, особенно когда ты таксист. Еще один – в том, что тебя это совершенно не волнует. Тебя волнуют вопросы поиска виновных и что делать со страной, и еще, наверное, война в Сирии, и мировой кризис, и будет ли Грузия опять с Россией дружить. В общем, все то, на что ты ни при каких обстоятельствах повлиять не можешь. А то, на что можешь – от плохой работы до маленькой зарплаты, – тебя не парит. И самая большая проблема состоит в том, что все так устроено, чтобы ты и дальше заморачивался глобальными проблемами, убегая от своих собственных. Именно об этом поют тебе твои музыкальные кумиры, получая за это миллионы долларов.

И не дай тебе бог однажды узнать, что на самом деле друзья поющих никуда «рано не ушли», а все так же сидят в госкорпорациях и министерствах, и все в их песнях не «для нее», а для очередного корпоратива. И даже глуповатая пэтэушница врет, что хочет от тебя сына и дочку. Потому что на самом деле

хочет она сумку и туфли, и не от тебя. А детей рожать не способна лет уже десять...

– Вы не обижайтесь на меня, – прерывает мои размышления таксист, – я вам честно хочу сказать... Я же редко с такими, как вы, встречаюсь.

– С какими «такими»? – грустно интересуюсь я.

– Ну, с людьми из другого мира. Из «ящика» или из кино. У вас же там жизнь, а у меня что? Пятьдесят два года, полжизни за рулем. Вот сейчас вас отвезу, потом поеду в Химки, обедать. Съем суп, может, горячее. Если, конечно, там сегодня не котлеты по-киевски на прогорклом масле, как обычно. Потом с нашими покурю – и обратно в «Шарик». Еще клиента три-четыре за день – и домой. Дома жена, двадцать лет в браке, а иногда кажется, что совсем друг друга не знаем. Дети растут, и как-то странно: вроде на твоих глазах, а вроде как в другой квартире. Понимаете? То ли время такое, то ли во мне дело. В выходные поедем тещу с дачи забирать. И так каждый день. И каждый сентябрь. Все наперед известно. И иногда спрашиваешь себя: вот ты в школе или в технаре так себе представлял свою жизнь? Наверное, не так. – Мы останавливаемся на светофоре. – И как оно все так вышло, и какой во всем этом смысл? И ради чего все – не понятно. – Он выключает радио и поворачивается ко мне, а светофор такой долгий, что я успеваю разглядеть его до мельчайших подробностей. Оспины на щеках, щетину, глубокие морщины на лбу, широко расставленные зеленые глаза, нос, который делает его лицо особенно простодушным. Наверное, с таким мужиком хорошо бухнуть, сходить в баню и проговорить до утра. «Ради чего все это?» Кажется, этот вопрос уже звучал сегодня с утра. Что-то они все зачастили.

– Вас как зовут?

– Тихон, – улыбается он и неожиданно переходит на «ты»: – Ты хороший парень, и все у тебя хорошо, я же вижу. Но я тоже не жалуюсь. Просто, знаешь, иногда такая жаба вот сюда сядет. – Он тычет себя в грудь. – А поговорить, в общем, не с кем. Бывает такое у тебя? И ты думаешь, что как-то не так живешь. Чего-то рыпаешься, пыжишься, а все это не важно. А что важно? Что-то важное в жизни ведь точно есть?..

Машина трогается. Он выключает радио. Мы замолкаем. Я думаю о том, что каждый из нас, безусловно, представляет свою будущую жизнь иначе. А потом оно как-то внезапно складывается в причудливый пазл, и вроде бы все происходит по стечению обстоятельств, без видимого приложения сил с твоей стороны. И наступает момент, когда в нас просыпается такой Тихон, который испытывает дикую потребность «не жаловаться», особенно тогда, когда и жаловаться-то некому, кроме случайных попутчиков.

Мне тридцать восемь лет. Я автор шести романов и двух телепередач. Я хорошо зарабатываю и не считаю свою работу ни плохой, ни хорошей. Все, что происходит со мной после института, я воспринимаю как временный заработок, в ожидании чего-то большого и настоящего. Один психолог объяснил мне, что это от неуверенности в себе и дикого инфантилизма. Я не спорю.

Последние три романа вышли настолько поповыми, что не было ни одного дня, когда мне захотелось бы перечитать в них хоть один абзац. Год назад я начал писать пронзительный, как мне кажется, текст, который не получается закончить. Это называется красивым словом *writer's block*, а по-русски – нечего больше сказать.

Моя дочь растет в другой квартире, а я снимаю свой комплекс вины подарками, алкоголем и объяснением, что сейчас такое время. Жены дома нет, то есть ее в принципе нет. А с женщиной, которая меня ждет сегодня вечером, мы друг друга почти не знаем.

И в жизни моей каждый день, так же, как у Тихона, известен наперед. Ну разве что ассистентка вот неожиданно с ума сойдет. Но это трагическая случайность. В остальном мое расписание состоит из ненужных встреч, ночных посиделок с друзьями, бессмысленных интервью, попыток писать и телепередач, от которых никому лучше жить не становится. И если рутинный распорядок Тихона оставляет ему время думать о том, ради чего все это движение, то я плотно, наглухо подбиваю часы как раз затем, чтобы не оставить себе ни единого шанса подумать, какой во всем этом смысл.

Но эти мысли, сука, иногда пролезают сквозь щели в плотно сбитом графике так, что я до четырех утра курю сигарету за сигаретой, а потом проваливаюсь в никуда, под скрежет таджикских метел во дворе.

Однако даже здесь мы с Тихоном не сойдемся, потому что, расскажи я о своей жизни и своих переживаниях, он лишь у виска покрутит. И справедливо признается в субботу жене и теще, какие же они зажравшиеся твари, эти телевизионщики, и «мне бы их проблемы, епт». И станет у Тихона больше на один объект ненависти. Поэтому я молча курю в окно и рассматриваю однотипный индустриальный пейзаж Третьего кольца.

Еще я думаю о том, что философские разговоры о сложном устройстве внутреннего мира людей преследуют меня с утренней пресс-конференции. И, будь я мистиком, я немедленно бы заметил в этом знаки судьбы. Но, конечно, дело не в знаках, а в русском сентябре, который всегда наступает вдруг, без плавного перехода из лета в осень. Будто кто-то включает тумблер, за сутки меняющий солнце и тепло на низкие тучи и промозглую, большую сырость.

Заруливаем в мой двор, я расплачиваюсь и вылезая из машины. Тихон принимает деньги и, кажется, чего-то ждет, какого-то особенного слова, которое логично завершит наш спонтанный диалог о смысле жизни.

– Тихон, – наклоняюсь я к боковому стеклу, – вы Стаса Михайлова не слушайте. Врет он все.

– Почему вам так кажется?

– Мне не кажется, я в этом уверен. Потому что когда твой годовой доход от творчества двадцать миллионов долларов в год, ты не можешь не врать. А как только ты начнешь своим поклонникам правду петь о себе и о них, тебе эти деньги немедленно перестанут платить, понимаете?

– Он так много бабла получает?! – Тихон качает головой.

– Точно вам говорю. И еще, знаете, Тихон, вы очень хороший человек.

– Правда?

– Правда. Был бы у меня такой отец, я бы им гордился.

Последняя фраза, разумеется, вранье. Я разворачиваюсь и иду к подъезду, а Тихон сигналил мне на прощанье, лихо газует и уезжает прочь. В приподнятом, как мне кажется, настроении.

Вдвоем

Поворачиваю ключ в замке, открываю дверь. Квартира встречает звенящей тишиной. Кидаю сумку, смотрюсь в зеркало. В коридоре, за моей спиной, тоскливо реет в воздухе перо из подушки.

- Мяу, - говорю своему отражению. Квартира не откликается.

- Мяу, - говорю я более настойчиво.

Из кухни нехотя выходит заспанный кот.

- Привет, - запускаю лапы в плюшевый затылок. Кот трется, урчит. - Ну как ты тут? Отощал?

- Фур-р-р, - урчит кот, потирая толстенную морду о мои икры.

- Сейчас выдам.

Прохожу на кухню, достаю из холодильника корм, наполняю миску. Кот мешает накладывать, бьется о руки, не переставая урчать, с чавканьем погружает морду в миску. Лицемерная скотина.

Мы живем вдвоем с Мишей второй год. Не совсем вдвоем - время от времени здесь появляются женщины, к которым он относится с презрением. Каждая тут же норовит сказать, что это лучший кот, какого она видела, а через пару дней торжественно сообщает: «Мы с ним подружались, будто знаем друг друга сто лет». На самом деле подразумевается, что лучший кот в ее жизни - это я. И это со мной она чувствует себя знакомой «сто лет». Коту похуй. Мне тоже.

Женщины меняются, Миша остается. На каждую новую подругу, которая его тискает, Миша сначала смотрит немигающим взглядом, будто намекая: «Я тебе не плюшевая игрушка, сучка», – потом царапается. Подруги от его поведения приходят в неопиcуемый восторг.

В целом Миша баб не любит. В целом Миша не любит никого. К окружающим он относится как к обслуживающему персоналу, что понятно. Он-то шотландец с прекрасной родословной, а в гости ко мне приходит всякая лошня.

Единственное, что позволяет нам мирно уживаться (помимо моих функций кормильца и уборщика), – это четкое разделение территорий. Он не пересекает границ кабинета, я не захожу в гостевой туалет и дальний угол кухни. Спальня и гостиная общие. Я не играю в его резиновые игрушки и точилку для когтей, он, в свою очередь, не трогает компьютер и не сбрасывает со стола оставленные деньги и наркотики. Этот нехитрый принцип лежит в основе нашего с Мишей существования. Принцип, который совершенно не могут понять изредка заселяющиеся сюда женщины.

То, что им кажется бардаком, на самом деле является разграничением ареалов обитания хищников. «Смотри «В мире животных», бейби», – словно говорим мы с Мишей. Но девушки теперь не смотрят «В мире животных», предпочитая «Секс в большом городе». Очевидно, что подобное несовпадение телепродуктов почти всегда заканчивается полнометражным «Страхом и ненавистью в Лас-Вегасе».

Дождавшись пока Миша поест, я сгребаю его в охапку и несу в кабинет. Там скручиваю косяк, поджигаю и делаю первую глубокую затяжку, глядя в его глаза цвета топленого молока. Откровенно говоря, курить с котом гораздо лучше, чем с людьми. Люди вторгаются в процесс своими разговорами, насыщая атмосферу ненужными тонами – от избыточного веселья до панического страха. Кот в основном молчит. И как представитель природы является носителем баланса. Кот не портит карму и уравнивает энергетику пространства.

– Я что-то дико устал от этой поездки, – говорю я, выпуская плотную струю в потолок. – Взял три дня отдохнуть, называется.

Миша умывается, изредка бросая на меня пронзительный взгляд.

– Все то же самое, а главное – совершенно бессмысленно.

Миша пожимает плечами и продолжает умываться.

- И не отпускает состояние какого-то стрема. - Страхиваю пепел на лежащий на столе компакт-диск, поворачиваюсь к окну. - В Питере не пригласил девушку в номер, например. Мне показалось, что она журналистка, которая украдкой меня снимает. Она все время щелкала телефоном. Фотки какие-то в инстаграм постила. Или делала вид. Стремная, в общем, девушка.

- Мяу, - говорит Миша и трет лапой висок.

- Согласен, звучит глуповато. Но, с другой стороны, она же могла оказаться журналисткой, с диктофоном или скрытой камерой. В таком случае лучше перебдеть, как думаешь?

Кот прекращает умываться, щурится и валится набок.

- Нет, ты прав, конечно. Я и сам устал от этой бесконечной паранойи. Но, с другой стороны, меня почти всегда окружают чужие люди. Ты предлагаешь им доверять? Нет? Вот и я про то же. Ты бы стал с незнакомой тебе кошкой откровенничать?

- Ур-р-р, - кивает Миша. Ему легко кивать. Раз в пару месяцев я приношу ему на случку лучших кошек, каких только могу найти. Сертифицированных и привитых. А мне, в отличие от него, все приходится добывать самому. И сертификат при встрече не проверишь.

- А еще ассистентка моя, приставленная издательством, сошла с ума. Говорит, я ей по ночам являюсь. Как привидение. Только в скайпе. Можешь себе представить?!

Накатывает дикий приступ смеха. Кот в испуге вздрагивает. Смотрит на меня пристально, будто гипнотизирует.

Трава начинает плотно забираться. Свет так странно преломляется в клубах дыма, что кончики шерсти кота кажутся посеребренными. Пространство вокруг разрыхляется, тело наполняется сладкой истомой, а сознание стремительно мутнеет, погружая меня в состояние полного безразличия. Мы довольно долго

молчим, пока наконец кот не издает хриплое «мяу».

– Так вот, Миша, что я думаю, – я добиваю косяк и сплевываю в пепельницу, – надоело это. Квартира, в которой не живешь, а ночуешь. Череду непонятных, скрашивающих то ли тоску, то ли интерьер женщин. Психи вокруг. Дружба, похожая на обязательства. И – какая-то катастрофическая неустроенность. Будто все умерли, а ты остался один-одинешенек.

Кот внимательно смотрит на меня. В его взгляде тайное знание всех кошек мира, которые тысячелетия ждут, пока мы все содохнем, а они разделяются с нашими останками и построят на них свой мир.

– Я думаю, стоит что-то поменять. Может, к Оксанке насовсем переедем?

Миша недовольно фыркает и отворачивается.

– Допустим, это не самая лучшая идея. Хорошо, давай ее перевезем к нам!

Миша спрыгивает со стола, подходит к двери и начинает скрести о нее лапами, пытаясь открыть.

– Вот ты всегда уходишь от серьезных тем, – говорю я поучительным тоном, – тебя-то это не волнует, понятно. Корм есть, туалет чистят, баб приводят.

Кот оборачивается. Были бы у него брови, он бы обязательно их поднял.

– Да, в этом смысле мы с тобой похожи. Но хочется чего-то большего. Какой-то иллюзии нормальной жизни, понимаешь? Жизни, в которой рядом с тобой кто-то есть. Кто-то, кто попытается стать не совсем чужим, врубаешься?

Но Миша не врубается. Его зажавшаяся душа протестует, он отчаянно скребет дверь и орет отвратительным голосом. Я выпускаю кота, иду в ванную, по ходу сбрасывая с себя одежду.

Открываю кран, наполняю ванну, ложусь. Механически смотрю на часы: до бессмысленного вечера остается пять часов абсолютно пустого дня. Беру с тумбочки компьютер, открываю. На экране начатая месяц или больше назад

глава новой книги, состоящая из единственного предложения:

Герои эпохи посредственностей абсолютно не нуждаются в поклонении. Им нужно лишь одно: твое соответствие их образу. Синхронизация чувств, предопределяющая желания.

И все. Дальше два экрана гениальной, зияющей пустоты. Вероятно, это должно было стать началом пронзительной отповеди миру, но не стало. Вспоминается водитель такси с его песнями, рассуждениями о жизни, с его жабой, сидящей на груди, и вопросом, бывает ли у меня так.

Наверное, жаль, что не напились мы с Тихоном, как напиваются русские люди, случайно встретившиеся в купе поезда. Так, чтобы назавтра и не вспомнить, как друг друга зовут. И перед тем как рухнуть в состояние, после которого утром важно не который час, а какое число, я рассказал бы ему про жабу. Про то, что она не только «бывает у меня» – а я с ней живу, кормлю, спать ее укладываю. И самое страшное – тот момент, когда она мне на грудь присела.

В большинстве своем мы не помним момента, когда что-то начинает идти не так. Сначала ты ловишь себя на том, что точно знаешь, какой будет реакция окружающих на твои заявления и поступки, и от этого все реже и реже делаешь попытки «писать поперек», говорить то, чего от тебя не ждут, пытаться удивлять. Это состояние знакомо людям, каждые выходные проводящим за преферансом в одной компании. На первый взгляд, комбинаций великое множество, но с течением времени ты ошибочно утверждаешься в том, что сыграл их все, и уверен в исходе каждой. Ты якобы становишься профи. Мастером игры.

Потом процессы вокруг тебя замедляются, чтобы однажды пойти совершенно по-другому. Ты пробуешь объяснять логику собственных действий попытками мимикрии под изменившийся мир, новыми временами и новыми поколениями. Ты встаешь в позу «я выше этого», игнорируя новые тренды, которые, на твой взгляд, – лишь ловко вынутое кем-то из архива позабытое старье. Ты рассказываешь в интервью о том, что «ваша новая искренность – это наша старая ложь». Ты делаешь все, чтобы только не признать: ты больше не рулишь потоком, ты плывешь по течению. Тебя сносит. Тебя уже снесло, и бороться с течением нет ни сил, ни желания.

Так вышло, что я эту точку невозврата помню великолепношим образом...

Двое молодых людей поймали меня, когда я выходил из кафе. Один из них, долговязый тип с румянцем на лице, застенчиво улыбаясь, попросил меня сфотографироваться с ними. Я соорудил привычную полуулыбку и поочередно сфотографировался с каждым.

– Мы вашу передачу каждую неделю смотрим, – сказал мне на прощанье долговязый.

Я вежливо поблагодарил в ответ, сказал что-то дежурное про важность их внимания и вышел вон.

Всю дорогу до дома со мной творилось что-то странное. Не было ни одного разумного объяснения внезапно нахлынувшей тревоги, но она, как камешек в ботинке, впивалась в мозг, и боль ощущалась все сильнее.

Уже на пороге квартиры, копясь с замком, я поймал вспышку. «Мы смотрим вашу передачу», – сказал тот парень. Сказал то же самое, что фотографировавшиеся со мной пару дней назад девушки. То же, что... да почти все. Меня больше не благодарят за книги, не вспоминают встречи с читателями. Меня все реже идентифицируют с писателем. Я оказался где-то там, «в ящике». Между Еленой Малышевой и «Чрезвычайным происшествием». Рядом с «Угадай мелодию» и ведущими новостей.

Самое паскудное было то, что вечером я даже не напился. Я стоял на балконе, курил и пил чай. Я не переживал крушение мира и отчаяние несбывшихся надежд. Вероятно, так чувствуют себя вчерашние звезды, «сбитые летчики», которые неожиданно получают приглашение вести цикл передач «Ностальгия» или занимают первое место в телешоу «Забытые имена». Это переход в состояние «теперь будет так», или, еще честнее, «хорошо хоть так».

Парадокс был в том, что я не был «сбитым летчиком». Я не получал приз «Comeback of the year», не был приглашенной звездой на корпоративном концерте «Дискотека 80-х», ничего похожего. Мне тридцать восемь лет, я

востребован, я зарабатываю очень приличные деньги, мои книги продолжают быть популярными, хотя...

Вот в этом «хотя» и была вся проблема. Я говорю оговорками, я пытаюсь жить, не оглядываясь и не вспоминая. Совершенно неожиданно для себя я смирился с тем, что не обладаю суперпозицией. Преимуществом, с которого все началось. Я больше не тот парень, который очень метко издевался над глянцевым миром теми же словами, которыми его высмеял бы любой из пользователей интернета, умей он более-менее сносно писать. Я больше не «один из нас». Я «один из них»...

Конечно, писателю следует изо всех сил избегать публичности. Но как ее избежишь, когда твой издатель нудит, как важно для тиражей появляться в телевизоре, когда твои друзья сообщают в эсэмэсках, как круто ты выглядел в этом ток-шоу, когда тебя узнают на улице. Когда... сотни «когда», главным из которых является твое гребаное тщеславие.

Медиа упаковывает тебя очень быстро. Сначала ты – «свежее мясо», которое нарахват. «Анфан террибль», парень, который не боится «говорить честно». Тебя противопоставляют всем «им», и однажды, в программе федерального канала, ты дерзко рвешь в клочья какого-нибудь замшелого патриарха поп-индустрии. Об этом говорят, об этом пишут. Кто-то называет тебя «голосом поколения», писателем, нарисовавшим портрет «героя нашего времени». Выходит заголовок о новом литературном стиле, произведшем «взрыв в мире гламура». Ты настолько обожаем в своей «антигламурности», что со временем она становится новым гламуром. Точнее, тебе так кажется. Ты просто еще не понимаешь, что упакован. Упакован и помещен в соответствующую ячейку шоу-бизнеса. Засунут на полку между «старыми песнями о главном», «новыми лицами» и «классическими brutальными мужиками». Теперь там стоит маленький ящик с ярлыком «Бунтари без причины», с кратким описанием, областью применения и ценником за рабочий час.

Ящик захлопывается в тот момент, когда тебе предлагают вести собственную программу в вечерний прайм-тайм. Поначалу ты, конечно, отнекиваешься. Говоришь, насколько от всего «этого» далек, и «у вас там не позволяют говорить правду». Но тебя довольно быстро убеждают, что настали новые времена, что востребована только искренняя эмоция. А у кого теперь остались искренние эмоции, кроме вас? Действительно, у кого же они остались, думаешь ты. И соглашаешься.

Соглашаешься, потому что ты-то точно знаешь, что не станешь одним из этих лживых уродов, ты-то вырос сам, без чужой помощи. Ты говоришь от лица того, кем на самом деле являешься. И таких, как ты – миллионы. Кто-то же должен их представлять. Быть единственным, говорящим все как есть. Кто, если не ты?

И продюсеры соглашаются с тобой. Они искренне кивают. Они настолько устали от фальшивых, изъеденных гримом, не сходящих десятки лет с федеральных экранов никому не нужных одних и тех же рож. Они хотят чего-то свежего. Хотят именно тебя. В вечерний прайм-тайм. С контрактом в полмиллиона долларов в год («хотя деньги вас, понятно, не интересуют, вы же литературой зарабатываете»).

Первое, что ты приобретаешь, – это гаденькую привычку быть so-o-o nice с каждым. Никого нельзя обижать по разным причинам. Одних – потому что они не придут к тебе на программу, других – потому что связаны с самыми крупными рекламодателями, третьих – потому что тогда никакой программы больше не будет.

Второй обретенный навык – бесконечное лицемерие. И вот уже ты отпускаешь кургузый комплимент парню, который недавно женился, хотя в прежние времена ты бы написал едкую колонку о том, как сложно быть открытым гомосексуалистом, когда стоимость твоих выступлений зависит от того, насколько ты брутален в глазах телезрительниц бальзаковского возраста. Умиляешься вместе со студией над романом тридцатилетнего паренька и шестидесятилетней поп-дивы, когда на самом деле тебе бы кричать: люди, вы с ума сошли?! Как у вас, находящихся в пошлейшем браке по расчету, поворачивается язык говорить о морали и семейных ценностях?! Но ты не орешь, ты смотришь в зеркало и убеждаешь себя в том, что это ты слишком циничен, а они искренне любят друг друга. Так бывает.

Хотя что-то ничтожно малое в тебе вопиет: «Чувак, так не бывает! Какие, к черту, семейные ценности? ЕЙ ШЕСТЬДЕСЯТ! А ты его видел вчера с молодыми телками в ночном клубе!» Тебе бы подойти к нему и спросить, как часто у них бывает секс. Не ревнует ли он ее? Показать его испуганно бегающие глаза, показать ее истерику, показать зашедшийся в аплодисментах зал. Показать правду. Но вместо этого ты говоришь мерзкую фразу: «Ваша история – удивительный пример того»...

...Того, что некогда небезнадежный парень скатывается в попсовый трэш из-за возможности оказаться в мире богатых и знаменитых.

Это ничтожно малое возникает еще раз, когда в комментариях к твоему посту в фейсбуке кто-то пишет: «А я не ожидал, что Богданов продается. Хороший был писатель». И ты срываешься в ответ, пишешь что-то про зависть, про «это ты был, а я есть. Точнее, ты, сука, даже не был. Ты один из тех, кто пытается полить грязью каждого, вырвавшегося из мира ваших мещанских ценностей. Как ты можешь судить человека, даже не представляя, чего ему это стоит... и бла-бла-бла». Пишешь, а потом стираешь.

На самом деле тебе это больше ничего не стоит. Ты больше не рефлексируешь. Ты утратил эту способность. Да и как можно рефлексировать, когда ты в топе? Там, где стоимость бутылки шампанского стремительно приближается к цене стиральной машинки, где с тобой ложатся в постель не потому, что ты удачно пошутил, а потому, что просто пришел на вечеринку.

Где искрометное «срывание покровов» перед аудиторией – это когда в конверте, а простое выступление – это по безналу и НДС восемнадцать процентов. Когда дружба измеряется полезностью, искренность – численностью аудитории, а влюбленность – наличием хорошего портфолио у твоей подружки. А люди у тебя в телефоне записаны без фамилий: «Стас Газпром», «чувиха из школы», «Лена, маленькое черное платье» – исключительно из-за простоты написания, а не из-за того, что фамилии больше не являются отличительной характеристикой.

Довольно сложно устраивать душевный стриптиз в тексте, когда единственная твоя боль – это карьеризм. И ты пишешь в новой книге что-то вроде: «В его крошечной квартире основное место занимали книги, бутылки дешевого вина и мысли о том, как бы отсюда вырваться», – сидя в двухсотметровых апартаментах с бутылкой виски за двести евро. Потом твой герой идет принимать душ, «закрывая рукой дыру в порванном шланге», а ты падаешь в джакузи и думаешь о том, что каждое твое слово, каждая запятая, каждое многоточие – вранье, вранье, вранье.

Ты лечишь себя и других, пускаясь в пространные высказывания о том, что социальные сети убивают литературу: «Если раньше автор выдавал многостраничные колонки в Live Journal, то теперь он вынужден втискивать свою мысль в прокрустово ложе ста сорока знаков твиттера». На самом деле тебе бы сказать правду о том, что никто никого к этому не вынуждает. Просто раньше ты

писал колонки, потому что тебе важно было высказаться. А теперь ты пишешь потому, что у тебя в каждой соцсети по двести тысяч подписчиков, необходим ежедневный контакт с аудиторией и ежедневное присутствие, – поскольку читатели нуждаются в тебе.

И каждый новый «лайк» для тебя – не доказательство солидарности читателей с твоей позицией, а барометр интереса.

Символ твоего существования, в котором страсть измеряется численностью, а свобода – заборами.

Ситуация обострялась состоянием аудитории. Довольно давно я понял, что гореть здесь бессмысленно. Вслед за твоим пламенем никто не зажжет свое. В лучшем случае от тебя прикурят. Во всех прочих – будут стоять вокруг и снимать на мобильники, как снимают убийства, автоаварии и тонущих в пруду собак.

Я все еще смею надеяться, что для настоящих творцов это лишнее доказательство того, что гореть нужно непременно. В моем случае количество стоящих вокруг костра говорило о том, что поджигать его не следует ни в коем случае. Не стоит путать самосожжение с дачным шашлыком.

Это и еще сто одно подобное объяснение собственного превращения в унылое дерьмо давались легко. В общем, я стал настоящим профессионалом по нахождению смягчающих обстоятельств для предательства самого себя...

...Вода стремительно остывает. Я моментально покрываюсь гусиной кожей, открываю кран, напускаю кипятка. Добавляю шампунь.

К звукам лопающейся пены примешивается посторонний шум. Выключаю воду – нет, не показалось. Металлом о металл. Будто кто-то скребется, или царапает, или...

Выпрыгиваю из ванны, по пути зачем-то срываю с крючка полотенце, чуть было не поскользываюсь на мокром кафеле, шлепаю босыми ногами в прихожую.

Так и есть, кто-то с той стороны пытается всунуть ключ в замочную скважину, но ему мешает это сделать мой ключ, торчащий с внутренней стороны двери. Первая мысль об Оксане. Ключи есть только у нее, но чего бы ей тут делать в это время? Тем более я сказал ей, что поеду к издателям. Проверяет? Пытается поймать?

Замираю в прихожей. Пусть уж это будет Оксана, шепчет воображение. В дверь начинают скрестись активнее.

– Кто там?

Что я хочу этим сказать? С тем же успехом можно было крикнуть: «Пожар!» или «Грабят!» – но сознание первым почему-то предлагает именно этот панический возглас.

Все на секунду затихает. Слышны удаляющиеся шаги. Сердце колотится где-то в области кадыка. Прилипаю к двери, осторожно выдыхаю и наконец решаюсь посмотреть в глазок. На лестничной площадке никого.

Долго смотрю в глазок в надежде уловить какое-то движение. Проклинаю себя за то, что не поставил на лестничной площадке камеры. Вслушиваюсь в шорохи на лестнице, в звуки лифта. Ничего. Ни малейшего намека на чье-то присутствие.

Пропитанную липким страхом тишину разряжает звонок мобильного.

– Да, – отвечаю почти шепотом. – Нет, не сплю. Просто... голос чего-то сел. Ага. Когда? Сегодня? А во сколько? А чего такая спешка-то?

Смотрю на часы. Дома оставаться слегка некомфортно. Слегка боязно, что ли?

– Да. Хорошо. Увидимся.

На всякий случай еще раз смотрю в глазок. Никого.

Лера

Выходя из подъезда, опасливо озираюсь по сторонам. Знобит.

Хочется верить, что не от страха, а оттого, что на улице холодно, или оттого, что все еще держит трава. Не плотно, урывками, но достаточно, чтобы ощущать дискомфорт внутреннего и внешнего миров. Сажусь в машину. Трогаю. Выезжаю на Петровку. В зеркале заднего вида выцепляю из потока машин вынырнувшую из моего двора грязно-серую «Дэу». Она следует за мной до светофора у ресторана «Галерея». Я продолжаю движение по Петровке, минуя «Мариотт», Большой театр, поворачиваю на Тверскую, снова замечаю «Дэу» позади.

На светофоре перед Старой площадью вспоминаю о недавнем инциденте с дверью и резко рву вперед. «Дэу» поворачивает направо, на Ильинку. Поеживаюсь. «Надо бы к психотерапевту сходить, – думаю, – а то так можно себе манию преследования придумать. А потом – шизофрения, желтые стены клиники, и больше никаких душевных терзаний».

Включаю музыку. Стараюсь отвлечься мыслями о том, что надо бы купить бутылку шампанского, но выходить из машины ломает, а потом я оказываюсь на набережной, и никаких магазинов больше не встречается. В тот момент, когда я подъезжаю к Лериному подъезду, Земфира начинает петь по радио: «Мне не надо и надо: ты – мое одиночество», – а блеклое московское солнце внезапно появляется над городом.

Сначала меня встречает убийственно сильный заряд духов. Такая концентрация аромата бывает в туалетах азиатских гостиниц и ванн в комнатах, где подростки курят тайком от родителей. Вслед за запахом появляется Лера. В платье, на каблуках, в макияже, на который явно потрачено существенное время.

– У-у-у-у! – визжит Лера, бросаясь мне на шею.

– Мяу, – хрипло говорю я.

– Я шампанское открыла и, кажется, поранила руку. – Она подносит к моим губам указательный палец с еле заметной крапинкой крови. Кровь, по сценарию, полагается слизать.

– Хорошо не вены, – тянусь к пальцу языком. Лера отдергивает руку, разворачивается и, подиумно виляя бедрами, идет на кухню.

Лера постучалась в мою жизнь два года назад. Причем постучалась буквально – в дверь мужского туалета, раковина которого была заполнена окровавленными салфетками (мне разбили нос стаканом, впрочем, и я в грязь лицом не ударил, угодив сопернику бутылкой точно в переносицу). Войдя в туалет, она пролепетала что-то про ментов и что ей нужно немедленно меня увезти отсюда, иначе наступят какие-то глобальные неприятности. Я был изрядно пьян и недолго дал себя уговаривать.

Менее чем через полчаса мы валялись на полу квартиры в Сокольниках, а она скакала на мне верхом, истеричным шепотом выясняя, сколько мне платят за одну книгу. Потом вслух делила все на главы, и в конце нашего бухого суаре, с возгласом: «Я купила это время!» – кинула на пол пятьсот долларов (отнесем это на счет ее плохого умения считать) и убежала прочь, закрыв меня в чужой квартире.

С утра квартиру открыла девушка, похожая на билетершу Пушкинского музея, буднично поздоровалась, предложила кофе. И, даже не удосужившись выслушать объяснение незнакомым мужиком факта нахождения в квартире, сообщила, что хотела бы принять ванну. Деньги я оставил хозяйке квартиры в обмен на телефон ее сумасшедшей подруги.

«Такой у меня был порыв в тот вечер. Хотелось тебя купить», – объяснилась Лера на нашей следующей встрече в полуподвальном пакистанском ресторане. С тех пор похожие порывы случались у нас приблизительно раз в два месяца. Чаще не хотелось обоим, да и реже не получалось. То ли я попал точно в пазл одной из Лериных сексуальных фантазий, то ли она стала иллюстрацией того, что подобными активами с хорошей ликвидностью в моем возрасте не разбрасываются. Короче говоря, это продолжалось уже два года.

Лерина жизнь – сплошная порнография итальянского производства. Там, где все телки всегда в чулках, а мужчины – в костюмах и масках. С сексом в публичных местах и обязательным мужем, подглядывающим за изменой жены. В свои тридцать пять она является обладательницей хорошего тела, что вкупе с деньгами супруга, еврейского банкира Алика, позволяет ей не только крутить романы с одногодками, но содержать постоянно меняющихся молодых любовников (она называет их «котиками»). Время от времени она сваливает куда-нибудь типа Индии или Бали, объясняя супругу свои поездки общением с гуру в ашраме, или где там эти гуру обитают, я не особенно интересуюсь.

Описание одной такой поездки я вынужден был однажды выслушать. Она состояла из сеансов тантрического секса, чередующегося с обкуренными трипами в близлежащие поселки, чтобы отдаться первому случайному прохожему. Это у них называлось как-то вроде «опыления всех цветов» или похожей пургой. Стоит ли говорить, что в финале истории мне было предложено прокатиться по ночной Москве на такси с последующим групповым сексом с таксистом.

Лера была склонна к авантюризму и излишней театральности. Выкупить у вахтера дома Нирнзее ключ от крыши и заняться там сексом. Попробовать крек в компании нищих студентов-художников, прыгнуть с парашютом, оглаживать официанта каждый раз, когда он подходит к твоему столику, закрутить роман с соседом по лестничной площадке только ради «блядского», по ее словам, ощущения при встречах с его ничего не ведающей женой. «Представляешь, мы с ней еще и целуемся!» Продолжать заниматься любовью на заднем сиденье машины при приближении мента, в надежде, что он присоединится. В общем, после встреч с Лерой я чувствовал себя абсолютно нормальным человеком. На фоне ее обволакивающего безумия меркло все.

Вот и сейчас, несмотря на все чулки-каблуки и тишину квартиры, я оглядывался по сторонам, не появится ли из ванной дражайший муж ради исполнения threesome в финале пьесы, которую она два года готовила. Впрочем, не могу сказать, что меня это сильно беспокоило, слишком уж убедительно я был укурен.

– Я чего-то за неделю дико устала. – Она сделала глоток шампанского и сбросила левую туфлю.

- Новый любовник бармен? Ночные смены, душные прокуренные помещения. Понимаю! - Я вытащил сигарету.

- Какой ты циничный! - Она наигранно скривилась.

- Циник - мое второе, то есть третье имя. Все время забываю, у тебя курят?

- Ни черта ты не забываешь, просто лень напрягаться. Конечно нет.

- Жалко. Может, на балкон выйду?

- Кури. Скажу, что подруга приходила.

- Мы остановились на усталости. - Закуриваю. - От чего устала-то?

- Я открыла галерею. - Лера несколько раз хлопнула обеими ладонями по столу в такт сказанному.

- Господи, прости их всех! Ну тебя-то я всегда считал человеком умным. Очередная жена, проматывающая мужнины деньги на мазюльки, развешенные по кирпичным стенам с уродливой подсветкой?

- Ты ничего не понимаешь!

- Эту фразу мне говорят последние сорок восемь часов. Она из какого-то модного кино, да?

- Короче, дарлинг...

- Как же меня бесит это слово! Ко мне так училка по английскому обращалась.

- Ты ее трахал? - В Лериных глазах зажглись огоньки надежды.

- Ей тогда было уже за шестьдесят.

- Ну знаешь, кому что нравится.

– Так что там с галереей? – Срываю с бутылки фольгу и принимаюсь скручивать из нее самолетики в ожидании пустой истории новоявленной галеристки.

– Я когда последний раз была в Индии, попала в местную деревню. Там молодой парень лет восемнадцати...

– Трахал тебя со своими друзьями, а потом вы купались в вонючей реке и смотрели, как сжигают умерших. Вокруг стояла дикая вонь, но у него была такая задница, да?

– Это к делу не относится! – Лера залпом опустошила бокал и подставила его для новой порции. – Парень рисует картины. Я за какие-то копейки купила три – там коровы, луга, пески и всякое такое говно, но завораживающее...

– Всегда завидовал отточенности твоих формулировок. – Самолетик выходит кривоватым, и я принимаюсь за новый.

– Привожу домой, показываю Алику. А он как раз с друзьями пьет. Навешала этим бухим лохам про современное искусство, Ротко, Уорхолла.

– Это откуда у тебя такие познания? – Я искренне удивлен.

– Дарлинг, читай самолетные журналы. Там иногда полезные вещи печатают.

– Вот как. А я-то, идиот, все с «Моноклем» да с «Эсквайром» по старинке.

– В итоге продала все три картины, за пятерку каждую. Эти придурки заказали у меня еще – в офис там, на дачи. Не знаю куда. Потом их курицы подвалили: «Ах, Лера, какой стиль, как красиво, а вот у меня подруга...» – и прочая шняга. И понеслась душа в рай. Я позвонила в Индию, у меня там местные все решают, ты же знаешь...

Конечно не знаю.

– Заказала пять картин. Продала. Потом еще. Подняла ценник до десятки. Они опять заказывают. В итоге развела мужа на галерею. Сначала согласования,

потом ремонт. И как-то так все закрутилось... – Лера выпивает еще бокал. – Арендаторы, СЭС какой-то, мудаки менеджеры...

«Ребенок учится, ребенок познает мир». Я допиваю свой бокал и чувствую, как пары алкоголя присоединяются к канабиатам. Лера все несет эту пургу про трудности набора персонала, клиентов, которые ни в чем не разбираются, про гору литературы, которую приходится читать, про «я уж кандидатом наук стала».

А я задаю себе сакраментальный вопрос, почему взрослые, встречающиеся довольно регулярно с одной и той же целью люди не могут просто трахнуться. Без прелюдий и никому, кроме рассказчика, не интересных историй.

– Ты пишешь сейчас что-то? – Лера вырывает меня обратно в мир галеристов, клиентов и баснословных барышей.

– Я? Ну... в общем, нет. – Мне в самом деле нечего сказать.

– Жаль...

Комната наполняется тягучей пустотой бессмысленности, которая бывает только в двух случаях: когда нужно что-то сказать перед тем как это произойдет, – и когда говорить больше нечего. Все произошло, и пора валить. Шампанское меж тем допито. Очередная сигарета докурена, Лера встает и игриво одергивает платье, чтобы оно не слишком обнажало ноги.

Она подходит ко мне сзади, запускает пальцы в волосы, шепчет:

– Давай свалим в эти выходные.

– Куда? – Закрываю глаза и возвращаюсь в состояние блаженной упоротости.

– В Рим.

– Почему в Рим?

- Потому что длинные выходные, а там деревья еще зеленые и тепло. А до моря, - она облизывает мое ухо, - сто километров.

- А как же твой благоверный? - как можно более безразличным тоном интересуюсь я.

- Ну он же не твой муж.

- Ты сумасшедшая, - улыбаюсь.

- Первые сутки будем трахаться, заказывать еду в номер, курить дурь.

- Как я могу отказаться? - А у самого в голове Лера, тайком отбивающая эсэмэсы мужу, Лера, выходящая из ресторана для продолжительных телефонных разговоров с ним же. Разрывающий утренний сон звонок ее мобильного, потом самолет с разными местами. И все очень нервно. Все пропитано страхом в любой момент спалиться, страхом, который так будоражит и так хорош в двадцать и даже лучше в двадцать пять. Сладкое ощущение чего-то постыдного, из которого весь роман и соткан. Ощущение, которого теперь нет.

Потому что все это когда-то уже было. Настолько давно, что все растворилось в годах и выпало в сухой остаток обыденности. Когда в ресторане ты допиваешь вино, понимая, что через полчаса ляжешь в постель со шлюхой, а утром проснешься с женой-домохозяйкой, которая к тому же еще и не твоя.

- Я скажу, что поеду в Италию по делам галереи, - не унимается Лера. - Я же теперь галеристка. Три дня вдвоем. Помнишь, как тогда, в доме отдыха, как его...

- Ты не боишься случайных друзей семьи, как это обычно бывает?

- Да пошли все к черту. Даже если и так... - Она расстегивает мою рубашку. - Он им не поверит. А поверит... Да куда он денется? Десять лет в браке - слишком долгий срок. Мне выбрать отель самой?

- Выбери. - Встаю, запускаю руки ей под платье и пытаюсь прогнать мысль о том, что женщина, в отличие от мужчины, с возрастом становится более

безрассудна. То ли из-за генетики, толкающей ее в объятия самых безумных авантюр перед тем как окончательно накрыть климаксом. То ли в попытке доказать себе, что молодость определяется количеством новых сексуальных контактов. Непонятно. Очевидно одно: женщина в порыве страсти еще более хитра и изобретательна. И остановить этот грейдерный каток никто не в состоянии. Ни муж, ни дети, ни общественное мнение. Только забытая косметичка. И здесь уместно бы вспомнить библейскую историю изгнания из рая, которой я, разумеется, не читал.

– Я скучала. – Она садится на стол, оплетает мою поясницу ногами и прикрывает глаза, оставляя узкую щелку, чтобы по моей реакции оценить, достаточно ли круто она выглядит на этом столе.

– Я тоже. – Кажется, первый раз за сегодня я говорю искренне.

Где-то звонит телефон. Сначала писком, потом громче, настойчивей, требовательней. Лера ищет рукой по столу позади себя, открывает глаза, находит телефон на дальнем конце.

– Да! – Томность в ее голосе моментально пропадает. – Что ты говоришь? Паркуешься? В смысле? Где? Правда?!

Она сереет лицом и тычет пальцем то в меня, то в сторону окна. Я довольно туго соображаю, что происходит что-то, не входившее в планы, но что конкретно, понять не могу.

– Хорошо, жду! – Она кидает телефон на стол и начинает носиться по квартире с криками: – Он у подъезда! Паркуется! У тебя все вещи на кухне? Так! Быстро! Пиджак, возьми пиджак! Сигареты! Ладно, черт с ними!

Лера выталкивает меня в прихожую, открывает дверь, толком не дав надеть ботинки, всучивает пиджак и чуть ли не на руках выносит из квартиры.

– По лестнице, иди по лестнице! – последнее, что слышу я перед тем как дверь захлопывается.

Я спускаюсь на три этажа, достаю сигарету, и в этот момент меня душит дикий приступ хохота. Я представляю, как Лера судорожно прячет пустую бутылку, скидывает в мусорное ведро окурки, убирает стаканы, возможно, успевает открыть окно, которое, конечно же, не спасет от висящего в квартире дыма. Потом бежит в спальню, срывает чулки, платье, бросает под кровать туфли и переодевается в домашнее. И безрассудство, с которым эта женщина еще пять минут назад готова была забыть про мужа, быстро рассеивается вместе с сигаретным дымом, Римом и сотней километров до моря...

Как только муж появится в квартире, она пожалуется ему на дикую головную боль, вызванную разговором с подругой, которая выкурила пачку сигарет, рассказывая, как ее бросили. Затем склонит его к занятию любовью, чтобы после того предложить ему свалить из Москвы на выходные. Да в тот же Рим, например.

Глупо подхихикивая, я спускаюсь до первого этажа, выхожу на улицу, направляюсь к машине и вижу, как к подъезду подходит интеллигентного вида мужчина моего возраста. Строгое пальто, очки, добротный портфель Dunhill. Таких обычно в рекламе Zegna снимают. Подтянутый, выглядящий моложе своих лет. Всем своим видом как бы намекающий на то, что мы никогда не поймем, чего хотят женщины.

Сев в машину, понимаю, что залез в ботинки как в тапочки, сломав задник. Расшнуровываю, переобуваюсь.

«Придурок, уйди с балкона», – сообщает мне Лера в эсэмэс.

«С какого балкона???»

«Тебе острых ощущений не хватает? Ты давно вуайеризмом заболел?»

«Лер, тебе нужно меньше пить», – отвечаю.

«ТЫ ИДИОТ!»

Откладывая телефон в сторону. Закуриваю. Постоянно заезжающие во двор машины долго не дают выехать. Наконец я трогаюсь, минуя длинный ряд

одинаковых серых авто. Секунду мне кажется, что одна из них – та самая «Дэу», которую я видел два часа назад выезжающей из моего двора. Мне хочется притормозить, чтобы убедиться в своей правоте. Но я быстро отказываюсь от этой мысли как отказываются от информации, которая огорчит или испугает, – или если бокал шампанского на выкуранный косяк был явно лишним. Я делаю музыку громче и аккуратно выезжаю в переулок.

Двигаюсь по Садовому кольцу безо всякой цели. Мысленно визуализирую Леркину квартиру, пытаюсь понять, о каком балконе вела речь эта чертова нимфоманка. Вспоминаю, что из окна ее кухни вроде бы виден общий балкон, на который можно попасть с лестницы. Но, честно говоря, я даже не представляю, какая дверь на него ведет. С чего бы мне там стоять? «Вуайеризмом заболел». Все-таки она сумасшедшая, эта Лера. Или не один я манией преследования страдаю.

Дверь. Мания. Тут же подкрадываются размышления о том, кто ковырялся сегодня в моей двери. Варианты: «пьяный сосед» и «мне показалось». Оба варианта не выдерживают никакой критики. Если это была слуховая галлюцинация, то слишком убедительная. Если пьяный сосед, то почему убежал, а не стоял перед дверью, покачиваясь, с упоротым выражением лица, как это в таких случаях бывает. Остается слабая надежда на то, что просто ошиблись этажом и, испугавшись моего отчаянного крика, убежали.

Или воры. Тогда надо все же установить камеры. Или показалось. А еще «Дэу» показалась. Значит, все-таки – психиатр. Замкнутый круг какой-то. Надо бы к Максиму заехать поговорить.

Где-то звенит телефон. Глухо так, будто кто-то его проглотил, и теперь он пищит во чреве. Рыскаю по карманам, по соседнему сиденью, пока не обнаруживаю, что сижу на нем.

– Алле.

– Ты там спишь, что ли? – осведомляется Оксана весьма недовольным тоном.

– Нет, с чего ты взяла?

– Я звоню уже четвертый раз.

- Я телефон долго найти не мог.

- Нашел? - Очень женский вопрос, иначе каким образом мы сейчас с тобой разговариваем, интересно?

- Да. Он у меня был практически в заднице.

- Это как?

- Вот так, Оксан. Кто-то себе в задницу амбиции засунул, кто-то - диплом о высшем образовании. А у меня там айфон.

- Ясно. - Следует долгая пауза. - Я освобождаюсь через час. Ты как? Чем занимался?

«Я даже не знаю, как это описать».

- Да так, - говорю, - переговоры были. Неудачные.

- Не договорился?

- Скажем так: нас прервали.

- Понятно. - Еще более долгая пауза. - Ты во сколько приедешь?

- Часа через... Надо к приятелю заскочить. Тебе купить чего-нибудь?

- Нет, я уже все купила. До вечера. Удачи!

Макс

- Макс! Сейчас я тебя повеселю! - кричу с порога.

- В очередное говно вляпался? – усмехается он.

- Ты совсем в меня не веришь, – делано обижаюсь, – почему сразу в говно?

- Я-то как раз в тебя верю. Только я в тебя и верю, старичок. И в говно. Выпьешь? – берет он с полки бутылку виски.

- Нет-нет. Я за рулем.

- Ага. – Ставит бутылку обратно, берет несколько пустых стаканов, начинает их протирать.

- Леру ты, конечно же, помнишь? Ее невозможно забыть, – вкрадчиво начинаю я.

- Ну я же говорю: говно. – Он равнодушно пожимает плечами.

Макс – мой старинный приятель. Добродушный бородатый человек, смесь Пако Рабана с Хемингуэем. Хотел написать «слегка полноватый, как все добрые люди», но это было бы искажением действительности. Макс худеет. Все годы, что мы знакомы, Макс худеет. А я бросаю курить.

Он один из осколков старой Москвы, прошедших первые настоящие рейвы, последние настоящие клубы, передоз, клиническую смерть, вершины корпоративного мира и все прочее, что прошли те, кто родился в конце семидесятых, если они были в меру любознательны, недостаточно осторожны и вглядывались в мир больших надежд своими неестественно расширенными зрачками.

Макс был памятником, живым укором всем этим псевдодокументальным фильмам про «лихие девяностые». Глядя на него, хотелось сказать: «Это не девяностые были лихими, это вы были лохами».

В какой-то момент он сменил кресло управляющего ай-ти компанией на барную стойку собственного бистро, затем резко дрейфанул от эстонского «спида» к Владимирской Богоматери, а вместо паломничеств в ночные клубы стал наведываться в Оптину пустынь. В общем, теперь пламя кухонных газовых горелок сменил свет истинной веры.

Стоит отметить, что и в этом своем новом статусе глубоко верующего человека Макс продолжает оставаться памятником. Монументом, олицетворяющим теперь не только мимолетные пагубные увлечения условно-досрочно вышедшей на свободу страны, но сам русский дух. Тот нестигаемый и нематериальный актив нашей необъятной Родины, попеременно заходящий то в церковь, то в кабак, в зависимости от того, какой сейчас век на дворе.

Он хороший, размеренный человек. Цельный, как принято таких называть. Понятно, что любому такому парню в друзья обязательно достанется вечно мятущийся, поверхностный раздолбай. То есть я.

Время от времени мы обсуждаем важные темы, которые обсуждают парни под сорок. Нет, не эти, хотя и эти тоже. В основном же – есть ли всемирный заговор, существует ли борьба добра со злом и начнется ли мировая религиозная война. Изредка мы делимся такими вещами, о которых и рассказать теперь больше некому. Макс о таком исповедуется в церкви. Я втайне надеюсь, что и за меня тоже.

Все это довольно странно, ведь спустя годы после нашего знакомства все претерпело значительные изменения. Макс стал добропорядочным отцом семейства, я – беспутным разведенным папашей. Он кормит народ вкусной едой – а я в основном баснями. Со временем мы стали слишком разными, и иногда я задумываюсь, как мы еще общаемся? Может быть, дело в том, что каждый из нас смотрит на другого, пытаюсь понять, что стало бы с ним, пойдя он однажды совсем по другому пути. А может, в том, что однажды разбился тот самый стеклянный шар больших надежд, которые мы все когда-то питали. И осколки этого шара вонзились в нас, как лед в сердце того парня из сказки. Вот этими осколками до сих пор и притягиваются друг к другу такие, как мы.

Я рассказываю ему про случай с Лерой, а он все это время безэмоционально вытирает стаканы. До дыр уж дотер, кажется.

– Вот так я сегодня стал героем анекдота про любовника в шкафу, прикинь! – заканчиваю я.

– Прикинул. Интересно, ты когда-нибудь прекратишь воплощать в жизнь бородатые анекдоты?

– Ну, старик, новых-то мне судьба не подкидывает, приходится старье реализовывать.

– Это может стать профессией.

– Ой! – отмахиваюсь я. – Уже стало. Ну а что? Кто-то же должен реализовывать образ персонажа из народных сказаний!

– Сказочного долбоеба, – Макс заходится глухим смехом.

– Ха-ха. Ха-ха-ха, – передразниваю его я.

С минуту молча курим, погруженные в свои мысли. Я через затяжку щелкаю фисташки, щедро насыпанные в граненую вазу.

– Есть хочешь? Мы меню новое ввели.

– Нет, спасибо. Меню не хочу. Я бы сейчас бутербродов съел с докторской колбасой. Штуки три.

– Курил? – Макс пристально смотрит мне в глаза, видимо, пытаюсь разглядеть размер зрачков.

– Ну так, – уклончиво отвечаю я.

– У тебя все нормально? – внезапно он делается совсем серьезным.

– Да... вполне. Просто не виделись давно, а я тут мимо ехал... – Меня сносит в какую-то ересь.

– Что случилось-то? – Он пытается улыбнуться.

– Тут такое дело... – Я хочу рассказать ему обо всех идиотских событиях сегодняшнего дня: о Жанне, о том, что в мою квартиру пытались пробраться (теперь рассудок предпочитает называть это так), о Лерином балконе. Но, глядя на его задумчивое лицо, понимаю, что все мои рассказы со стороны выглядят

какой-то индийской комедией. Воспринять всерьез историю о том, будто все разом сошли с ума, практически невозможно. Особенно зная меня. Уж кто-кто, а Макс меня знает лучше всех остальных. Иногда мне кажется, даже лучше меня самого. Поэтому я осекаюсь и вместо пылких признаний выдавливаю из себя:

- Как ты думаешь, мы кризис среднего возраста лет в тридцать прошли или еще пройдем?

- Мы из него и не выходили.

- Seriously?

- Любой ищущий человек постоянно находится в кризисе.

- Ты говоришь банальности.

Макс пожимает плечами, открывает рот, чтобы продолжить, но я его перебиваю:

- Понимаешь, у меня какое-то странное ощущение в последнее время. Все хорошо. Никаких происшествий. Кхм... Все вроде бы ничего. И так каждый день. Бесконечное умножение «вроде ничего» на «вроде ничего», которое ничего и не дает.

- А что бы ты хотел чтобы дало?

- Не знаю. Движение какое-то. Смысл. Вот, правильное слово: смысл. Я тут подумал - может быть, я когда-то в неправильный поезд сел, а теперь соскочить пытаюсь. - Закашливаюсь. - Ну, в метафизическом смысле. Как в фильмах серии «Что было бы, если».

- Знаешь, - смотрит Макс куда-то поверх моей головы, - в метафизическом смысле я думаю, что жизнь - это ни фиги не прямая линия. Это движение вперед с бесконечными развилками. И на каждой такой развилке камень. Понимаешь? Как в сказках: налево пойдешь, чего-то найдешь, направо пойдешь - чего-то другое найдешь.

- Да, понимаю. Такое впечатление, что я на каждой развилке на этот камень ссу.

- Вполне допускаю. Так вот, задача этого камня в каждом из вариантов предложить тебе правильную дорогу. Тебе нужно направо, а ты налево идешь. Тебе еще раз предлагают, а ты опять налево.

- И сколько раз будут предлагать?

- Бесконечное множество.

- Это, типа, «безграничное милосердие Будды»?

- Что-то в этом роде. Господь любит тебя.

- А как узнать, что нужно именно направо?

- А ты и так знаешь, раз эту тему поднимаешь. Ты же все время налево уходил, правильно?

- А ты будто не уходил.

- Вован, - укоризненно морщится он, - мы ж о тебе сейчас говорим, правда? Это твой выбор, Вова. Выбор чего-то совсем другого. Того, что ты никогда не делал.

- Я каждый день из фейсбуков своих бывших одноклассников узнаю о том, как выглядит то, чего я никогда не делал. Это безгранично уныло.

- Не упрощай.

- Ох, дружище, - вздыхаю, - если бы я упрощал, может, оно все и легче как-то проходило. Слушай, у тебя на парковке машину можно до утра оставить? - Вместо ответа Макс наливает виски в сиротливо стоявший до того момента стакан.

- А у тебя бывает такое? - осторожно интересуюсь после первого большого глотка.

- Не то слово, - усмехается он.

- И как?

- Тяжело. Самому себе всегда сложнее вопросы задавать.

- Да уж, - соглашаюсь, - лучше бы кто-то другой задавал. Всегда можно полуправдой отделаться.

- Так только в детской комнате милиции бывает. Но есть места, где... как бы точнее... врать не получается.

- У меня таких мест нет. Скорее остались только места, в которых не получается говорить правду.

- Мы с тобой, как всегда, о разном говорим.

- Да понимаю я. - Достаяю очередную сигарету. - А тебя прощают?

- Кто?

- Ну батюшка там, я не знаю. Процедура какая-то есть?

- Исповедь. Еще псалтырь в такие моменты читаю. - Лицо его делается серьезным. - Это очень тяжело. Там каждое слово как про тебя написано.

- Про меня?

- Да не про тебя, а про меня. Про всех нас. Дико тяжело читать, будто что-то не пускает.

- А потом лучше становится?

- Конечно. Потом ты чистый лист.

- И что, потом можно опять по новой? - Закуриваю. - Что бы мне-то почитать...

- Вов, исповедь - это не вытрезвитель и не рехаб.

- Так я тоже вроде не Эми Уайнхаус.

- Жулик ты, - хлопает он меня по плечу. - Ты пытаешься ко всему относиться как к страховому полису: «А давайте я здесь и здесь заплачу, зато потом буду это и то делать».

- А как мне к этому относиться? Ты думаешь, легко так вот сразу из мира товарно-сырьевых отношений прыгнуть в мир... - Залпом допиваю стакан. - Может, правда в церковь сходить?

- Давай сходим, - кивает Макс.

- Я вот... Может, я зря загоняюсь? Может, это осень, хандра? А потом лето, и опять вау-вау, средиземноморское побережье, Дафт Панк «Гет лаки» из колонок поет! И никаких тебе вопросов!

- Может, и так. Ты сам-то чего больше хочешь?

- Не знаю. - В баре ощутимо холодает. - Я больше всего хочу посмотреть какой-то отрезок своей жизни. Ну как если бы за мной человек с камерой ходил и записывал. А я бы потом на самого себя со стороны взглянул. Может, я что-то не так делаю? Перестал обращать внимание на какие-то значительные детали? Так вроде бы запланируешь что-то, думаешь: «Вот завтра поступлю так-то и так». А завтра все неожиданно рассыпается и скатывается в унылое говно. Помнишь, как в том фильме, где маленькие человечки чуваку за ночь мебель в комнате переставляли, и он перестал понимать, где находится?

- Это бесы, Володенька. Бе-сы.

- Бесы... - Зеваю то ли от холода, то ли от усталости. - Я сам тот еще черт...

Оксана

- Воды хочешь? – спрашивает Оксана, откидываясь на подушки.

- Не хочу. – Нащупываю на прикроватной тумбочке пачку сигарет.

- Ненавижу. – Она вытягивает из моей пачки сигарету, пристально вглядывается в меня. – Ненавижу, когда ты уезжаешь.

- Ты же знаешь... – Зависаю, забыв, что, собственно, она «знает». – Знаешь... есть вещи, которые необходимо исполнять. У музыкантов концерты, у писателей чтения эти гребаные.

- Тебе не понравилось?

- Не понравилось? – Выпускаю в потолок плотную струю дыма. – Даже не знаю... Меня в этот раз как-то... вымотало... сильнее, чем обычно. Я правда очень устал. И все время это странное ощущение повтора. Как будто на реверс меня поставили.

- Как это?

- Одни и те же вопросы читателей, журналистов. Когда не понимаешь, это сегодняшняя встреча или вчерашняя все еще продолжается. Бесконечно затянутые интервью. А главное – я, все время произносящий одни и те же слова. Знаешь, я тут подумал: а как U2 не устают на каждом концерте играть «One»? Или Depeche Mode, которые тысячу раз играли «Everything Counts»?

- Никогда не думала об этом, если честно.

- Но согласишься, ты же, например, на концерте «депешей», несмотря на новый альбом, все равно хочешь слушать «Personal Jesus» или «Enjoy the Silence». Это же то, ради чего ты приходишь: а пусть они больше «старенького» поиграют.

- Ну я же за эти вещи их и люблю. И тебя, главным образом, все помнят, – дирижирует Оксана в такт своим словам незажженной сигаретой, – и любят за первую книгу. Мы, читатели и слушатели, существа примитивные. Зато вы питаетесь нашей энергией. Им она позволяет петь, а тебе писать.

– А у меня, наоборот, какая-то энергетическая пробоина. Я раньше себя чувствовал как губка. Впитывал и моментально отдавал обратно. А сейчас я валяюсь такой, почти высохший, в дальнем углу кухни. На меня нажимают, а оттуда мутная пена: пыщ-пыщ...

– Прекрати! – Она садится на кровати. – У тебя новый контракт на носу, программа, куча поклонников. Тебя узнают на улицах, тебя любят, тебе, наконец, платят огромные бабки. А ты, скотина, при всей народной любви и издательском бабле ноешь тут про «мутную пену».

– Оксан, ты, как обычно, все упрощаешь. А у меня кризис, между прочим.

– Кризис у тебя?! – Она вскидывает брови. – А ты с ним борешься вечными зависаниями черт знает где и с кем, травой и бухлом, да? Ты Буковски?

– Буковски мертв, а я еще нет.

– Ты, вместо того чтобы заниматься не пойми чем, садись и пиши. – Она несколько раз щелкает зажигалкой, в раздражении отбрасывает ее и вырывает мою сигарету, чтобы прикурить от нее. – Как это было раньше. Напиши что-то прорывное, как шесть лет назад. То, что всех зацепит, оцарапает. И тогда не будет одних и тех же бессмысленных вопросов: «Как вы начали писать?» и «А ваш герой в первой книге умирает?».

– Не могу. Не получается.

– А ты пробовал? Вот скажи, ты хотя бы абзац написал за последний месяц? Не в фейсбушку и не в твиттер, а литературный текст?

– Я считаю свои фейсбушные тексты вполне литературными, между прочим. – Говорю так, на всякий случай, без особой надежды на то, что заявление не воспримется как вранье. Чем, по сути, и является.

– Литературными?! Тогда не причитай. Тогда продолжай бессмысленные туры раз в год, бери интервью с «интересными людьми» раз в неделю для «ящика», а в промежутках между травой и бухашкой выступай на конференциях и семинарах про «креативные», мать их, «подходы в современных медиа». Тут

полтос, там десяточка. Всем бы так.

- Ты довольно злая сука. - Тушу сигарету в пустой пачке.

- Просто я, в отличие от массы твоих так называемых друзей и коллег по работе, не говорю целыми днями о твоей исключительной гениальности. Я говорю тебе правду. И еще я знаю, отчего на самом деле у тебя кризис.

- Ого! Этого даже я не знаю.

- Сколько мы встречаемся?

- Это против правил. Я могу воспользоваться подсказкой? Помощь зала? Звонок другу?

- Два года, Вова. Почти два года.

- И?

- Скажи мне, между нами что-то качественно изменилось после того вечера в «Бонтемпи»?

- Ну... мы начали трахаться.

- Ты можешь и дальше идиотничать. - Оксана встает с кровати. Пытаюсь поймать ее за руку, но она вырывается и идет на кухню. Заворачиваюсь в плед, шлепаю за ней.

- Ну не сердись, я больше не буду. - Пытаюсь ее приобнять, но она вся колючая, холодная - неживая, одним словом. - Ну давай поговорим.

- Да ну к черту, чего тут говорить!

Оксана принимается ходить по кухне, стараясь утопить нарастающее раздражение в череде бессмысленных движений. Открывает и закрывает кухонные ящики. Включает чайник. Подходит к холодильнику. Застывает на

секунду, будто изучая его содержимое. Наконец поворачивается ко мне:

- Ты когда-нибудь думал о том, что я чувствую, на что надеюсь? Вот зачем мы делаем то, что мы делаем?

- Наверное, затем, что мы друг другу небезразличны. Я не прав? - Утыкаю морду в растопыренную ладонь, смотрю на нее сквозь пальцы, отчего она вся получается в расфокусе, плывет и подрагивает.

- Правда? Небезразличны? Мы живем то вместе, то отдельно. Иногда даже отдыхаем вдвоем. При этом ты считаешь нормальным внезапно сорваться в Европу в одиночестве, не появляться неделями, звонить только когда у тебя телефон набивается моими эсэмэс. Я, честно говоря, даже не знаю, где ты ночуешь в такое время.

- Окс, ну у меня же кот. «Мы ответственны за тех, кого...» и все такое.

- Вов, ответственность - это когда тебя волнует то, что происходит с «небезразличным», как ты сказал, человеком. А тебя, Вова...

- Нет, только не «ты сам»...

- Нет-нет. На самого себя ты тоже давно подзабыл, я соглашусь. И вот что мне непонятно. А зачем тебе все это? - Она обводит руками пространство, отчего ее голая грудь пару раз вздрагивает, будто стремясь соответствовать пафосу момента. - Вся эта бессмысленная массовка вокруг тебя. Ради чего все движение?

- Этот неуправляемый хаос и называется жизнью.

- И кто я в этом хаосе? Один из персонажей массовки? Удобная девочка, с которой не стыдно вместе выйти, у которой можно переночевать в любой момент и от которой в любой момент можно соскочить? - Грудь продолжает возмущаться, но уже как-то отдельно от хозяйки. - Она же умная, да? Она же все про меня понимает?

– А разве ты что-то про меня не понимала? Разве я когда-то был нечестен с тобой?

– Да-да. Тебе осталось только процитировать свое любимое, из «Прирожденных убийц».

– Это какое?

– «Ты же знала, сука, что я змея».

– Да, хорошая, кстати, цитата. Правда, не уверен, что к месту.

– Про честность. Скажи, честно воровать у женщины ее репродуктивные годы? – Оксана садится напротив меня и доверительно смотрит в глаза. – Мне уже не двадцать, а почти тридцать, понимаешь?

– Окс, ты серьезно хочешь это обсудить? Мы уже как-то поругались по этому поводу.

– Я не хочу ругаться, Вовочка. Я ясности хочу. – Она как-то сразу, без предварительных всхлипов, начинает рыдать, что несколько обескураживает. – Я... я не понимаю, чего ты на самом деле хочешь. Кто я для тебя? Я не понимаю, я устала читать тебя. Это сложно, Вова.

– Ну-ну... – Обнимаю ее за плечи, рыдания сообщают ее телу некоторое тепло.

– Сложно, когда мы напиваемся вдрабадан, и из тебя начинают переть чувства, разговоры о детях, о будущем, о семье, которой у тебя никогда не было.

Странно, неужели я такое говорю? Из людей по пьяни сексуальные монстры или хулиганы вылезают. А из меня, оказывается, семейный папаша. Интересное наблюдение. Только вот насколько верное?

– А потом проходит какое-то время, и ты опять рассуждаешь о неготовности, несвободе, о быте, который душит людей в своих «ипотечных объятиях». Ипотечные объятия – это особенно для нас с тобой актуально. У нас же нет собственных квартир, дач и дорогих автомобилей, правда?

Вот это уже я. Узнаю старика Вовку.

– Потом все опять повторяется. Опять пьяные объятия, разговоры о том, как не хочется «всхлипывать в одиночестве над фотографией выросшей дочери, которая тебе не перезванивает».

Ого. Оказывается, подобные базары имеют некоторую регулярность.

– Потом Вова летит в Лондон на выходные и опять «не чувствует в себе сил», успокаивается, еще месяц в Москве, и – как две недели назад. Аж до пьяных слез. И фразы про «заднее сиденье такси, которое увозит нас двоих неизвестно куда».

Фу. Какая же пошлятина-то. А что было две недели назад? Может, я Suede переслушал?

– Тебя колбасит, Вовочка. – Плач, грозивший было сорваться в истерику, заканчивается так же внезапно, как и начался. Оксана продолжает монолог ровным, я бы даже сказал спокойным голосом. – И в этом весь твой кризис, а не в «писательском блоке». Ты уж определись, кто ты. Стареющий ловелас, сексуальный в своем одиночестве, или романтичный писатель, втайне мечтающий о семье. А то, знаешь, мне надоело читать уточняющие подписи под фотографиями. «Владимир Богданов и Оксана Дементьева, совладелица рекламного агентства».

– А ты, понятное дело, хотела бы подписи вроде: «Оксана Богданова с мужем Владимиром, совладельцем рекламного агентства»? – Вроде бы пришел мой черед раздражаться, но на это просто нет сил. – Извини, что я таким не стал. И еще постарайся простить за то, что когда-то меня угораздило начать писать книги, а людей угораздило их покупать. Я думал, мы достаточно постарели для всего этого дерьма типа игры в статусы.

– Дело не в статусах, Вова. Дело в том, что я женщина, которая хочет с мужем вечером глупость какую-нибудь по телевизору посмотреть, которая детей хочет, которая хочет самой обыкновенной... устроенности, что ли. Которая боится все больше и больше, понимаешь? Тик-так ходики, убегают годики, Вовка. Я боюсь упущенного времени, а ты боишься, что кто-то откусит у тебя кусок твоей

популярности. Я про семью, а ты про статусы. Я обычная русская баба, Вова.

– Не разбивай мне сердце, ты не обычная. Ты принцесса. Терпеть не могу «обычных» и «обычное». От них отдает плесенью советского холодильника.

– Все обычные, дорогой мой, – вздыхает она. – А те, кто говорит, что для них это не самоцель, либо врут, либо не выросли еще, либо выросли уже настолько, что понимают недостижимость такой устроенности.

– М-да. – Рыскаю глазами по столу в поисках сигарет, создавая себе паузу для ответной реплики. Но говорить, собственно, нечего.

– М-да, Вовка, – повторяет она за мной. – Грустно все это. Светка, наверное, была права, когда сказала, что ты любую рядом с собой будешь воспринимать как довесок. Как еще одну деталь к тому, как ты выглядишь. Как машину или запонки.

– Светка? – прищуриваюсь я.

– Знакомая. Ты видел ее пару раз.

– Надеюсь, за эту тупую попытку препарировать меня ей уже отрезало голову трамваем на углу у Патриарших.

– Опять эти сложносочиненные бессмысленные речевые обороты. – Она встает, улыбается, гладит меня по шее. – Ты прячешься, да? Я тебя больше не буду палкой тыкать, обещаю. Пойдем спать!

Лежа в постели, мы еще какое-то время обмениваемся ничего не значащими фразами, листаем ленты фейсбука, проверяем почтовые ящики, – в общем, делаем все то, что делают люди, стремящиеся показать, что никто ни на кого не обижается. Просто разговор не задался. Вернемся к нему в другой раз или не вернемся никогда.

Оксана говорит что-то вроде «не забудь с утра свой компьютер и проверь, на месте ли ключи от квартиры», и пока я соображаю, откуда здесь взяться моему

компьютеру, разве я с ним приезжал, да и ключи у меня всегда в кармане, с чего бы мне их забывать, она гасит свет. Мы притворяемся уснувшими.

Мы в самом деле очень хотим уснуть, чтобы проснуться уже в завтра. Там, где кажется, что вчера ничего особенного не произошло. Хотя, конечно, мы оба понимаем, что произошло все. И это «все» нас обязательно догонит. Не завтра. Когда-нибудь потом. Но догонит.

Это «все», эта пятисоткилограммовая гиря под названием «неприятный осадок» внезапно падает с потолка ровно в тот момент, когда отношения девочек и мальчиков, независимо от возраста и социального положения, переходят из фазы «любит – не любит» в фазу «как ты думаешь, на свадьбе невеста лучше смотрится в белой классике или стоит выбрать что-то более оригинальное?».

И это не вопрос, а утверждение. Она думает, что ты только этого и ждешь, тебе легче, когда направляют, ведь она об этом где-то читала или подруга рассказывала, точно она не помнит. А ты думаешь о том, как было здорово. Все эти ухаживания, томные перешептывания в темных ресторанах, романтические ночные прогулки, смешные подарки. Все то, что вчера было милой привычкой, сегодня оборачивается обязательствами. Потому что у нее в голове свадьба, кольца, подарки и подруги. А у тебя – вычурная церемония напоказ, потом теща, обстановка квартиры, дети, супермаркеты, семейные курорты и не спрятанный вовремя косяк.

И ты что-то мямлишь, тогда как от тебя ожидают бурной положительной реакции. И там, где должно было воздвигнуться твое «да», лежит теперь эта чертова гиря, а вы от нее по разные стороны.

И что бы ты ни сказал, в следующие пять минут, завтра, послезавтра, на неделе, в следующем месяце – все будет с ощущением «неприятного осадка». Когда отказ воспринимается как оскорбление, а согласие – как вымученное одолжение.

Гиря уже догнала. И очень скоро разметет вас и ваши отношения в мелкие щепки.

Дальше начнется весна нелепых придирок, лето взаимных упреков сменится осенью безосновательных выводов, которая соскользнет в зиму выяснения отношений, которых давно нет. Скорее всего это закончится пошлым скандалом.

Ведь какое бы российское мелодраматическое шоу ты ни начинал смотреть, всегда смотришь «Пусть говорят».

В нашей с Оксаной ситуации выяснять ничего не нужно. Кажется, мы про себя все знаем. И ответ на ее вопрос «Что качественно изменилось между нами?» кажется очень простым.

Страх – вот наше единственное качественное изменение. Только у нее это страх потери времени, у меня – независимости.

Я боюсь, что скоро все исчезнет. Обладание собственным временем и пространством, отсутствие необходимости докладывать о том, во сколько я вернусь и зачем уезжаю. Чехарда ни к чему не обязывающих отношений, внезапные загулы с друзьями среди недели, суточное похмелье, разрывы и воссоединения во имя ничего. В общем – все то, что позволяет хоть как-то рефлексировать и писать, – все исчезнет. Пропадет под наслоением ежедневных ритуальных обязательств, именуемых семейной жизнью. Или «устроенностью», в категориях Оксаны. Я боюсь, что однажды уютный мир мещанских радостей, с которым сражался мой литературный герой, задушит меня в объятиях, сделав одним из пузатых папаш, губернаторов семейных резортов и мэров ИКЕА. Одним из тех «нормальных людей», над которыми я все эти годы издевался.

Оксана же боится, что не успеет конвертировать молодость в эту самую устроенность. Когда муж-жена, хлеб в хлебнице, а сахар в сахарнице. Когда «нормальные люди» – не ругательство, а единственно верный способ существования. Просто я, дурак, в силу своей инфантильности этого не понимаю. Именно от отсутствия устроенности меня, по ее мнению, и «колбасит». И писать не дает. А как только все счастливо наладится, и условный хлеб, который валяется у меня в холодильнике, ляжет в условную хлебницу, все тотчас встанет на свои места. Гармония наполнит душу счастьем, а перо – вдохновением.

Только я не знаю ни одной по-настоящему глубокой книги или песни о счастливых. Если только это не книга о счастливых строителях светлого будущего. Никто не будет с замиранием сердца переслушивать «Ландыши, ландыши, светлого мая привет», тогда как «Я ломал стекло, как шоколад, в руке» у любого поколения рождает ворох мыслей о странности судьбы. Хотя, казалось бы, обе песни о любви.

Историей доказано, что самые лучшие книги пишутся в самые худшие моменты твоей жизни. Несчастливая любовь, предательство, развод, смерть близкого человека – подойдет все, что способно вогнать тебя в стойкую депрессию. Когда помощи ждать больше неоткуда, остается только возопить о ней к неизвестным людям. Особенно хорошо рефлексировать на тему крушения уютного мира, униженного достоинства или растоптанной любви – такое с тобой готовы разделить миллионы, живущие этим годами. Чем безысходнее положение – тем ярче текст.

Я не знаю, как объяснить ей (да и стоит ли?), что безысходность моего нынешнего положения не в неустроенности существования, а в его бессмысленности. Когда все уютные миры давно разрушены, достоинство заменили компромиссы, а вялотекущие отношения при всем желании не выдать за растоптанную любовь.

И нынешняя безысходность вместо импульса к творчеству рождает в тебе его имитацию. Когда в ожидании большой вспышки, которая перевернет твое сознание, ты пытаешься выдавить из себя редкие тексты в фейсбуке, какое-то подобие рефлексии. Хотя, конечно, рефлексия о московских таксистах или ограничении интернет-торговли смешна. Она не может не быть смешной.

Но когда в очередной раз вертишь все это в голове, появляется солидный мужчина, предполагающий, что, может, и не будет никакой вспышки. Может, в тебе и переворачивать больше нечего. Просто это такой этап. Зрелость, там. Переоценка ценностей, и все такое. И, в общем, Оксанка права, она на самом деле хорошая баба, просто ты слишком застрял в конце девяностых, со своей дурью, алкоголем, упоротыми вечеринками и непониманием того, где проснешься завтра. На дворе уже нулевые закончились, прекращай, чувак!

А чувак все еще пытается ерепениться. Нет, говорит он тому, солидному. Знаем мы этот новый этап. На нем повестки выдают на службу в гарнизоне состарившихся. На этом этапе дальше никого нет. Дальше остается только ежедневно оглашать твиттер бессмысленными воплями: «Дорррогие мои! Харррошие! Как у вас дела?» – подобно актеру Безрукову. Дальше интервью газете «Труд» и, наконец, слезливое прощание с прошлым в программе «Исповедь» на канале НТВ. Днище, в которое снизу уже не постучат. Снизу только гостевые продюсеры.

Три часа утра. Рядом спит женщина, несколько часов назад спросившая: «Кто я для тебя?». Эти двое продолжают вяло переругиваться. Я прикрываю глаза. Мысленно повторяю ее вопрос. С силой втягиваю ноздрями воздух. И уже вслух, свистящим шепотом:

– Кто я?

«Останкино»

– Все в панике, – говорит Коля, открывая дверь ньюсрума.

– Я тоже, – бурчу я.

– Как гастроли?

– Как обычно. Медленно, сыро, еда невкусная, в порочащих связях замечен не был, девушек в номер не звал.

– Правильно! Я тебе всегда говорил: будь аккуратней в гостиницах. Попадешь на журналистку, мы потом замучаемся из «желтяка» фотографии выкупать.

– А обычно же, наоборот, таблоиды звездам платят за фотосессии, разве нет? – пытаюсь шутить.

– Наоборот? – смотрит на меня пристально. – Это явно не твой случай. А что-то такое было? Ты лучше сразу скажи, к чему нам готовиться.

– Готовьтесь к худшему. Как обычно.

Коля слегка морщится, будто у него голова болит.

– Я шучу, – хлопаю его по плечу, отчего он практически сгибается пополам.

Следующий час проходит в обсуждении будущего эфира. Продюсеры зачитывают цитаты гостей, те, на которые, как им кажется, стоит обратить внимание. Хотя нужно ли говорить, что в этих высказываниях нет ничего заслуживающего внимания. Ничего нового, острого или значимого они не сказали. За последние лет этак пять. Потом мы смотрим сюжеты, а я смотрю фейсбук. И, периодически, на часы. Встреча с издателями неотвратимо приближается.

Кто-то, как обычно, говорит «длинновато», ровно затем, чтобы кто-то другой ответил, что «лучше сюжет показать, чем бессмысленный диалог на входе». «Бессмысленный диалог» подразумевает разговор ведущего с гостем, и мне бы стоило вступить, но, с одной стороны, я слишком увлечен чтением ленты фейсбука, а с другой – меня здесь будто и нет. Идет много раз повторенная беседа. Рутинная, как и вся наша программа, которая слишком давно напоминает уездную операционную, где все устали от пациентов, главврача и друг от друга. Где одна операция похожа на другую: тут криво отрежут, там криво зашьют, но для жизни это не опасно. Точнее, не опасней того, что пациент сам с собой вытворяет ежедневно – запои, обжорство, опять запои.

– В общем, смотрится говенно, но на выходе будет отлично, – говорит редактор Юля. – У нас же есть... кто?

– Вова! – раздается нестройный хор хриплых голосов.

– Бинго! – хлопает в ладоши Юля.

– Спасибо, что вспомнили старика, – отвечаю, – у ведущего, как у циркового медведя: вопросов нет, есть только коньки.

– Ну что, – хлопает себя по ляжкам Коля, – тогда все свободны?

«Все» с радостью покидают душное помещение.

– С третьим гостем все ок? – осведомляется Петя, когда мы остаемся втроем.

– Я думаю.

- Что думаешь?

- Думаю, кого позвать.

- Зачем?

- Ты предлагаешь без третьего снимать, я не понимаю?

- Нет, это я не понимаю! - Коля закуривает. - Вов, мы же с тобой решили Корнева звать, из ассоциации книготорговцев.

- Когда? Мы его даже не обсуждали сегодня.

- На прошлой неделе обсуждали. - Петя пристально вглядывается в меня.

- На прошлой? - Я отворачиваюсь. Ненавижу, когда меня глазами сверлят как на допросе.

- Ну да, мы еще в кафе на первом этаже сидели. Перед твоим отъездом.

- Коль, ты бредишь, что ли?! - раздраженно восклицаю я. - Мне кажется, тебе три разных программы продюсировать очень вредно. Начинаешь путаться в героях. И в ведущих.

- Я не путаюсь. - Он смотрит на меня своими водянистыми «медузьими» глазами, потом достает из кармана блокнот. - То есть путаюсь, поэтому записываю. Вот смотри: число, дата, гостевой план.

- Убей меня, я не помню такого. - Я смотрю на фамилии гостей и темы программы, выведенные его аккуратным чертежным почерком, но вспомнить все равно не получается.

- Вов, ну как не помнишь? - Коля встает, начинает нарезать круги по комнате. - Ты прикалываешься, что ли? Ты еще сказал, что твои издатели какую-то сеть поглощают, и им эту сделку «правильно подсветить» нужно. А он как раз такой человек.

– Да? Вообще что-то такое... да. – Вроде бы что-то припоминается, во всяком случае, перед сегодняшними переговорами с издателями могло бы стать сильным пунктом. – Точно, я его предложить хотел, а, выходит, что уже предложил. Чертова командировка, все мозги набекрень, – ну Корнев так Корнев.

– Отдохнуть тебе надо. – Коля выпускает в сторону струю дыма, смотрит искоса, как на психа.

– Это точно, – говорю.

Образуется неудобная тишина. Непонятно, что меня больше раздражает в этот момент: жужжащая этажом выше дрель или Колина манера называть людей «человечками».

– Слушай, а ты в Твери был когда-нибудь? – Коля перекрывает дрель.

– Никогда.

– Зря, хорошо отдохнуть можно. Леса там всякие. Реки. Завидово. Государственный заповедник, между прочим.

– И что с того? Нафига мне в Завидово?

– Ну так... развеяться.

– Коль, а Коль, – отмечаю, как он чуть нервно барабанит пальцами по поверхности стола, – какие, к черту, заповедники? Переходи к сути.

– Ну... тут... это самое. – Коля ломает сигарету в пепельнице. – Тебя на медиафорум приглашают. Чиновники тверские. По культурной части. Хорошее мероприятие. Всякие селебы будут. Гонорар неплохой.

– Ты за меня денег уже взял, что ли?

– Не совсем. У меня там... тема одна.

– Коль, хорош мяться уже.

– В общем, я там дом строю. А с газом проблема. Ты же понимаешь: газ подвести к участку нереально. – Коля чешет голову, жуёт губы. – Проще нефтеналивной танкер по реке завести, чем газ. А ребята там одни пообещали газ дать, если я... короче, договорюсь с тобой. Им очень статус этого мероприятия нужно поднять до федерального.

– Коль, ты как Украина.

– В смысле?

– За газ кого угодно продашь.

– В общем, ты не поедешь? – Его глаза испуганно округляются.

– Когда ехать-то?

– Через две недели. – Коля весь будто подбирается к подбородку. – Двадцать восьмого.

– Я подумаю.

– Ох!

– Не вздыхай только, – говорю, – поеду я. Поеду.

– Ты не представляешь, как ты меня выручишь! – Он вскакивает, хватая меня за руку.

– Представляю.

– А потом мы с тобой, после форума, – щелкает он пальцами, – туда-сюда, выпьем, там...

– Туда-сюда, – шепчу я, – за них, за нас. За нефть и газ.

- Ты обиделся? - Смотрит исподлобья.

- Что ты! - Достаяю я сигарету и задумчиво постукиваю ею по столу. - А Корнева, говоришь, мы на первом этаже обсуждали?

- На первом, - услужливо подсказывает Коля. - Я даже могу сказать, что на тебе было надето.

- Это уж точно лишнее.

Засовываю сигарету в рот. Коля подносит зажигалку, чиркает. Пламени нет. Он раздраженно чиркает еще и еще. Трясет ее, снова подносит, снова чиркает.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

странные друзья (нем.).

2

торчки (нем.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-minaev/dyxless-21-veka-selfi-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)